

Андрей
КИВИНОВ

ВРЕМЕННО НЕДОСТУПЕН

МЕСТО
ПЕРЕМЕН

Временно недоступен

Андрей Кивинов

Место перемен

«Автор»

2016

Кивинов А. В.

Место перемен / А. В. Кивинов — «Автор», 2016 — (Временно недоступен)

Мелкий чиновник из Москвы и следователь Следственного комитета по Калининграду не являются образцами честности. Первый проворачивает аферы в судебных коридорах, второй не прочь подработать контрабандой бриллиантов. По воле судьбы им приходится поменяться местами и жизнь не только их, но и целого города становится с ног на голову. Теперь они тоже вынужденно становятся вершителями судеб. И на их плечи ложится груз такой ответственности, о которой они даже не подозревали. Но всегда есть выбор... Или остаться или сбежать...

© Кивинов А. В., 2016

© Автор, 2016

Андрей Кивинов

Временно недоступен.

Часть 2. Место перемен

Уважаемый читатель, если продавец в книжном магазине заверит, что вы все поймете, не прочитав первой части, верьте ему – он тоже хочет заработать. Но сначала купите первый том.

* * *

Вольный журналист Анастасия Журавлева, чью храбрость великозельский читатель сравнивал с ее внешностью (со знаком плюс, на всякий случай), на дело пошла в деловом костюме, да простят ее за тавтологию. Ибо беседовать предстояло не с какой-нибудь заезжей звездой шоу-бизнеса, а с председателем местного суда, хотя судейство в чем-то тоже и шоу, и бизнес. Отправилась не одна – взяла подельников: оператора Сеню Жукова и пару таких же вольных репортеров, не столько храбрых, сколько пьющих.

Упомянутый председатель с забавной фамилией Ляпин компанию принял не слишком охотно, он не любил публичности, ибо тот же великозельский народ поговаривал о нем: «Не тот судья, кто дает, а тот, кто берет». А людям с подобной характеристикой лишняя засветка не нужна. Но все же принял и даже предложил испить кофе, оценив длину и стройность ног репортера. К тому же он обладал ценными качествами опытного политика – сказать всё, при этом не сказав ничего.

– И все-таки, Андрей Леонидович, что в вашем понимании важнее – дух или буква закона? – допытывалась Анастасия, поднося к губам белоснежную чашечку из тончайшего фарфора. – Наверняка, вам не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда подсудимый не заслуживает наказания, но по закону вы обязаны вынести обвинительный вердикт. И наоборот.

– Да, это большая тема. Большая и неоднозначная, – Ляпин имел полезную привычку – повторять слова, так сказать, для «веса». – Неоднозначная потому, что надо рассматривать конкретные случаи. Увы, судья не имеет права на эмоции. Он обязан, просто обязан быть беспристрастным. А значит, руководствоваться законом, каким бы несовершенно тот не был. Как говорится – закон плох, но подзаконные акты еще хуже. Шутка. Лично я стараюсь гасить эмоции. И вообще, в нашем деле нельзя утилитарно, нельзя. За каждым делом стоит человек. Да. Человек. Надеюсь, вы меня понимаете? Понимаете?

Анастасия кивнула, одарив судью чарующей улыбкой сильфиды. Пока он созерцал девичий оскал, сильфида вернула фарфоровую чашечку на стол и невозмутимо произнесла, приглушив улыбку:

– Андрей Леонидович, а как вы можете прокомментировать приезд московской квалификационной комиссии судей? Связан ли он с последними оправдательными приговорами и слухами о вашей возможной отставке?

Ради этого ключевого вопроса все интервью и затевалось. Для усиления впечатления Настя поближе пододвинула микрофон с логотипом местного канала. Оператор снова нацелил объектив камеры на председателя, словно охотник ружье.

Легкая тень на тяжелом челе могла бы послужить ответом. Но не послужила. Что за чепуха? Какая комиссия? Какая, на хрен, отставка?! Да, «оправдашки» были, но законные... Почти... Неужели?..

Нет, не может быть. Это у них такие теперь методы, у журналистов. Провокационные. По телевизору Караулова насмотрелись, вот и мнят себя такими же профи. Зададут каверзный

вопрос и наблюдают за реакцией. В той среде, куда обычно клиенты Ляпина направляются, это называется на понт брать.

Или не берут?

Один из вольных репортеров рьяно вытянул руку с микрофоном, едва не выдернув ее из сустава. От микрофона тоже несло перегаром.

Ляпин машинально отклонился, но тут же вернул себя в прямое положение. Осанку надо держать. Даже сидя. Особенно сидя – слава богу пока в судейском кресле и в своем кабинете. Ни в коем случае нельзя показывать слабинку. Ни в коем случае.

– А что, к нам приезжает комиссия? С чего вы взяли? – Судья с эмоциями совладал, но голос все таки чуть дрогнул – словно легкая рябь по воде.

– Это наша работа – все знать, – бодро пояснила Настя, превратившись в самую доброжелательность, – да, комиссия прибывает со дня на день.

Она откинулась на спинку стула, стараясь уловить малейшие нюансы в реакции Ляпина.

Тот подтянул манжет рубашки, пряча часики. Цены немалой.

– Мне казалось, что приезд комиссии – это информация не для общего доступа, не для общего, – по-отечески пожурил он, снова нацепив на полное лицо маску невозмутимой уверенности. – И думаю, не следует столь неосмотрительно ее оглашать. Я сам узнал совсем недавно.

– Может быть, вы не в курсе и того, что сейчас в городе работает представитель Следственного комитета из Москвы? – Еще один заготовленный вопрос поразил цель. Маска чуть съехала.

– Да, конечно. Я в курсе... И что?

– Он задержал некоего гражданина Пузина по подозрению в совершении тяжких преступлений. И вам, возможно, предстоит санкционировать арест.

– Все зависит от материалов дела. От материалов дела. Пока я не могу комментировать.

– И тем не менее, вы комиссию из Москвы ожидаете спокойно и отставки не опасаетесь? – продолжила наступление Настя.

– А мне есть чего опасаться? Есть из-за чего беспокоиться? – недобро зыркнул на журналистку Андрей Леонидович, прервав затянувшуюся паузу. И нервно ослабил узел галстука-удавки. Это не акулы пера. Это пираньи настоящие. Порвут на клочки и не подавятся.

– Вам виднее, – одарила судью улыбкой Джоконды пиранья Анастасия.

* * *

– Скажите, кто получит страховую премию в случае вашего ухода из жизни?

Голос спокойный, без намека на эмоции. Работа.

– В смысле?

– Жена, родители, дети? Мне надо вписать в договор...

– А если я не уйду из жизни?

– Но вы же не собираетесь жить вечно?

– А может, и собираюсь. Медицина не стоит на месте.

– Значит, никто не получит... Так кого?

– Жены нет, детей тоже... Пишите маму...

Этот странный диалог полугодовой давности при оформлении страховки на машину почему-то вспомнился Вячеславу Андреевичу именно сейчас. Да, уход из жизни грозил стать реальностью. Дурацкое сочетание. Ушел из жизни, вернулся в жизнь, опять ушел... Будто поход на тот свет все равно, что поход в супермаркет.

А после того, как он красиво понтонулся перед Димой, произнеся ургантовское «Работаем» и задержал Пузина-младшего, перспектива скоропостижного ухода приблизилась максимально. Нароботает он тут. На бесплатные похороны. В том смысле, что прикопают в лесу.

Но, как говорится, задница боится, а руки делают. Руки в настоящий момент листали Уголовно-процессуальный кодекс. Надо вспомнить, каков порядок действий при аресте. Много лет утекло после студенчества, да и законы меняются.

За этим благообразным занятием застал Золотова явившийся без предварительного звонка Ланцов.

– Добрый вечер, Антон Романович! Не отрываю? – Его купидонская улыбка, как всегда, замыслов хозяйина не выдавала. С такой можно и цветы дарить, и башку рубить.

– Добрый вечер, Иван Михайлович, – без лишних эмоций поприветствовал визитера временный хозяин кабинета.

Проходить и присаживаться не предложил, да Ланцов и не ждал. Не до церемоний. Он прошел и фривольно расположился на стуле напротив Золотова, закинув ногу на ногу.

– Слышал, вы возбудили дело?

– Да, пришлось, – спокойно подтвердил Вячеслав Андреевич, он же Антон Романович, он же майор Фейк.

– И даже собираетесь арестовать человека?

– Возможно.

Ланцов до последнего надеялся, что в ход событий вкралась какая-то досадная ошибка. Кто-то недопонял, кто-то недосмотрел, кто-то не согласовал, и пошло-поехало. Некстати вспомнился анекдот про Буратино: «Поставил Папа Карло Буратино вместо ног колеса, и пошло-поехало». Проверяющему пока никто руки-ноги не отрывал, только заряд дроби в задницу всадили, и то по трагической случайности. Не за это же мстит теперь? Возможно, пользуясь случаем, цену набивает. А Пузин-младший, гаденьш, как подставил! Совсем зарвался, паршивец. Будь на то его, Ланцова воля, запрятал бы щенка в темный шкаф. И бил бы по шкафу дубиной, пока щенок не оглох.

– Но мы же вроде решили вопрос, – наклонившись поближе, вкрадчиво напомнил Купидон.

Вдруг майоришка не понял, что они согласны? Ждет гарантий и поэтому морду воротит. Вот борзый. Или не доверяет? Предоплату хочет?

Ничего не ответил майоришка, просто молча встал из-за стола, открыл сейф и разложил перед заместителем мэра свой охотничий трофей – коллекцию холодного оружия, множество бархатных коробочек с драгоценностями, ювелирные изделия россыпью, упругий увесистый пакет с белым порошком. А поверх этого натюрморта, как вишенку на торт, аккуратно уложил пистолет-пулемет «Кедр».

– Изъято у гражданина Пузина в ходе санкционированного обыска, – пояснил он, – с понятиями.

Улыбка с лица Ланцова плавно стерлась – словно ластиком кто-то невидимый провел – чему ж тут улыбаться? Плакать надо.

– А вот переданные мне дела по разбоям, во время которых все это похищено. – Золотов опустил руку на лежащую на столе толстую кипу папок и мягко, словно доктор, оглашающий больному неизлечимый диагноз, уточнил: – По разбоям, понимаете? И речь тут уже не о лекарствах. Надеюсь, вы улавливаете тонкую грань между оплошностью и разбоем?

Ланцов грань улавливал, поэтому замолк, размышляя, – на гладкий, словно попка младенца, лоб напоззли тонкие морщины – явное свидетельство напряженной работы мозга. Закаленные в боях извилины не подвели – выдали единственно правильное решение.

– Я понял, Антон Романович, – улыбка вновь вернулась на место. Эдакий смайлик. – Вы, кажется, любите число «пи»? А что вы думаете по поводу «пи» в квадрате?

Ноль эмоций. Хоть бы подмигнул для приличия. Как сидел с каменной рожей, так и сидит. Надо бы и его в темный шкаф.

– Или, может, в кубе? – Смайлик превратился в антисмайлик.

Ланцов сверлил Золотова взглядом, словно проверяя на нем новейшую технологию НЛП. Считай, считай, гаденыш. Смотри не подавись!

Майор взгляд выдержал. Не моргнув.

– Да, действительно хорошее число...

Опытный московский чиновник тщательно следил за своей мимикой – чтоб ни один мускул не выдал интереса. Это ж не жизнь – мечта. Чтоб им с Оваловым такие бабки на блюдечке подносили. Да еще и взять уговаривали. Все-таки Следственный комитет – сила. Может, зажмуриться и взять? Макс узнает, что отказался, – душу вынет и на колеса его же кабриолета наматает. Кстати, как он там? Не Макс – авто.

Вячеслав Андреевич кабриолет этот полгода ждал по спецзаказу, поэтому, даже ненадолго оставляя, переживал за машинку. Он ее любил, почти так же сильно, как Жанну. Или сильнее? Нашли, наверно, слепневские стервятники, продали или разобрали на запчасти бежняжку. В смысле – машинку, а не Жанну. Хотя и Жанну тоже могли. Он поймал себя на том, что думает о подружке как-то отстраненно, без эмоций.

Ланцов не отрывал взгляда от следователя. Молчит, гад. Считает. «Пи» в куб возводит, а потом конвертирует. Прикидывает, что на «пи» в третьей степени купить можно. Каких дальних родственников подключить, чтоб не светить левые доходы. Ему ж тут не на одну виллу в Испании хватит. И даже не на две. Иван Михайлович уже предвкушал победу. Прикидывал, как правильно доложить Марусову. Правильно – это «пи» в пятой степени. «А что делать, Виталий Иванович, что делать? Да, сволочь, но...»

И тут Золотов очнулся от раздумий.

– Но это число здесь немного неуместно, – выдохнул он, сам себе удивляясь.

Купидон даже вздрогнул. Почувствовал себя так, словно его самого посадили в шкаф и сейчас начнут дубасить палками.

– Речь идет об особо тяжких преступлениях. Об организации преступной группировки в том числе, – добавлял «палок» проверяющий. – Вам, Иван Михайлович, как человеку государственному, должно быть понятно, что есть что.

– Ху из ху, как говорится, – растерянно промямлил Купидон, все еще не веря ушам своим.

– Вот именно. Я рад, что вы понимаете. На такие вещи нельзя закрывать глаза. Если мы с вами, конечно, люди и граждане своей страны, а не персонажи Зоценко. Вы любите Зоценко?

Ланцов напрягся. При чем здесь Зоценко? С ним тоже делиться придется? Пробить надо будет – что за тип. Должность? Место в иерархии? Если наверху, на самом, то дело труба – у столичных свои расценки. Попробуй перешиби – по миру пойдешь вместе с молодой женой. Или, скорее, без нее.

– К тому же мне пришлось доложить руководству. Возможно, сюда пришлют дополнительные силы, – обрадовал следователь. Надо в тонуэ этих «хозяев жизни» держать. Так, на всякий случай. Если уж Пузину-младшему мордобой в ресторане устроить как стакан накапать, то что от хозяев ждать.

– Это из-за той драки, да? Антон Романович, он извинится! И мы его сами накажем! Бога ради, предъявляйте обвинение, направляйте дело в суд, никто слова не скажет. Мы просим лишь избрать меру пресечения, не связанную с арестом...

– Простите, кто это – мы? – голосом доброй воспитательницы детского сада поинтересовался Золотов. После чего уточнил голосом строгой воспитательницы: – Случайно не знаете, кто еще в этой милой компании? Пузин ведь не один пошалывал.

Ланцов в данную секунду походил на Джеймса Бонда, которому на совершенно секретный мобильник позвонил рекламный менеджер. «Джеймс? Здравствуйте. Меня зовут Лариса. Я хочу пригласить вас на презентацию нашей фирмы «Мир пряжи»...»

Бедняга замер на полуслове. Опять двадцать пять! Так вроде хорошо дело пошло, и на тебе! Чего он хочет, в самом деле? Пусть прямо скажет, в какую степень теперь надо это «пи» клятвое возвести!

– Не знаю, – мрачно отрезал Купидон.

– В-о-о-т! – протянул Вячеслав Андреевич, – а если он останется на свободе, мы этого тоже никогда не узнаем. А хотелось бы.

Взгляд следователя стал таким безмятежным, что Ланцов с болью осознал: дальше повышать сумму бессмысленно. Хоть в куб, хоть в десятую степень возведи – откажется, сволочь. Неужели что-то они проморгали? Не учили? Как трудно жить далеко от столицы! Новости важные запаздывают, не успеваешь в обстановке ориентироваться. Неужели всерьез за коррупцию взялись? Не шутят больше. Или шутят, но не для всех?

– Хорошо, удачного вам следствия... Всего доброго, Антон Романович!

Дойдя до двери, он сообразил, что отчитываться перед Марусовым не о чем. А значит, придется выслушивать в свой адрес простонародные слова, от которых кругом голова.

– Ой, чуть не забыл, – с ласковой улыбкой анаконды произнес Ланцов, оборачиваясь. Хоть немножко этому «математику» насолить: – Завтра возвращается хозяин дома, где вы живете. У него поменялись планы. Надеюсь, вы найдете где остановиться?

– Найду, – не моргнув, подтвердил майор Фейк.

– Если вдруг передумаете, я на связи...

Лукавил Купидон, ох лукавил. Хозяин дома, где жил Золотов, при всем своем пылком желании возвратиться в родные пенаты не мог. И планы его целиком и полностью зависели от судебного вердикта. Как там по латыни? *Dura lex, sed lex* – закон суров, но это закон. Ну дура не дура, а приземлили его за дело – где ж это видано – открыть свиноферму в Великозельске и долю кураторам не заслать. Ой, не долю... Добровольный взнос на развитие региона.

* * *

Ирина Плетнева в перламутровом бикини и роскошной бордовой соломенной шляпе возлежала в шезлонге под зонтиком у бассейна. Тень от шляпы падала на лицо, и она могла незаметно наблюдать за окружающими, точнее за их реакцией. Хотя и без того прекрасно знала, что все мужики в пределах видимости пускают слюни, поглядывая на нее. Красота – страшная сила. И чудненько, что есть на ком эту силу испытать. Да и что она в самом деле! Столько времени убила на этого недотепу Плетнева. А он? Все как должное воспринимал – и ее красоту, и хлопоты. А он только сериалы свои дебилские смотрел. Но, похоже, она его недооценила. Сбежал с брюликами, паршивец. А вдруг не совсем сбежал? И вернется к ней в новом качестве. Красивым и богатым. Внешне-то он вполне – не то что обезьяна Деризубов. Хоть и говорят, что внешность для мужика не главное. Но это если с деньгами все в порядке. В общем, не надо форсировать события.

– Иришка, я тебе освежиться принес. Прошу.

Помянешь Деризуба – и вот он. С двумя мохито. Она ненавидела, когда ее называли Иришкой. Но ради мечты можно потерпеть.

Коля в шортах и панаме приземлился на соседний шезлонг, протянул коктейль. Она втянула освежающую жидкость через трубочку. Поймала влюбленный взгляд Деризуба – словно солнечный зайчик. Взгляд плотоядно скользнул по покатоному плечу с татуировкой лилии. Ирине с детства нравилась миледи из «Трех мушкетеров», и она ненавидела героев романа за то, что отсекли бежняжке голову. Ладно б еще по закону, а то по беспределу. Подумаешь, отравила кого-то... Но она же красавица, блондинка. Ей можно.

– Наверное, придется задержаться. Паша прошерстил все отели, но пока пусто. Нигде нет. Возможно, его трубка у кого-то другого.

«Вот и славненько», – подумала поклонница миледи. Море, солнце, пятизвездный отель. Сказка. Пусть продлится хоть немного.

– Ну что ж – надо так надо, – согласилась она и томно поинтересовалась: – Коля, а что вы будете делать, когда найдете Антона?

Образ мужа встал перед внутренним взором как живой. Хоть и гад, но свой. А если акулам скормят? Или пираньям? Эти могут. Без тормозов, ребята, как мушкетеры. А Антоша ей нужен – живой, здоровый и с камнями.

– Так, ничего... Просто заберем камни, – как-то невразумительно ответил Деризубов и отвел глаза.

Волновать Ирочку понапрасну не хотелось. Зачем девочке знать подробности? Вариантов того, что можно сделать, – множество... Фантазия работает.

– Просто заберете?

– Нет... Отрублю голову... Шутка. Заберем и отдадим тебе, – Деризубов напряг мышцы лица, нацепив на мужественное лицо улыбку доброго дракона.

– Камни? – осторожно выдохнула Ирина, не смея поверить.

Вот это да! Неужели он так серьезно на нее запал? Не-не-не, стоп-стоп! Не бывает так. Даже в самом волшебном сне не бывает! И даже в индийском кино, которое она обожала в детстве.

– Нет, не камни, – не снимая улыбки, пояснил Коля, – мужа. Возьмешь?

Черт его дери, этого мужа! Но ведь девочка расстроится, ежели его, например, муренам скормить. Пропадет без вести, а она искать будет, нервничать. Вон – губки задрожали. Ладно, пусть живет. Если, конечно, камни вернет. Мужики, разумеется, будут по углам тереть, что Коля слабину дал, но при нем вякнуть не рискнут. Они ж не самоубийцы.

– Уж я и не знаю, – закручинилась миледи, потягивая мохито, – я же сказала: просто хочу в глаза ему посмотреть.

Коля, заметив, что грусть напозла на лицо возлюбленной, и это была не тень от шляпы, пустил в ход все свое незамысловатое красноречие. Нельзя так с женщинами поступать, как Плетнев. Так только падлы дешевые делают. То есть несознательные и безответственные люди. Которым, в отличие от Коли, далеки и непонятны семейные и общечеловеческие ценности.

– Может, винишка? Шабли... – Одурманенный прелестями Ирины, Деризубов готов был бегать вокруг шезлонга липким халдеем.

– А покрепче ничего нет, медвежонок? – Ирочка одарила любовника взглядом одалиски, добавив в него чуть восхищения и немножко страсти. Так, в меру. Но микс получился сногшибательный: – Джина, например?

– Конечно. С тоником?

– С биттер лимоном. Коля, а тебе здесь не надоело? – Она эротично провела острым ноготком по волосатой груди медвежонка. – Пойдем в номер, а то я обгорю... Да и ты тоже...

* * *

В великозельском народном храме имени Фемиды настал поистине судный день. Момент судьбоносный и тревожный. Избирали меру пресечения Пузину-младшему. Даже секретари и уборщицы понимали: выйдет задержанный – все в городе останется по-прежнему. Не выйдет – значит, подул ветер перемен и сдует он не только Пузина... Корреспонденты местных каналов проверяли работоспособность микрофонов, занимали козырные места. Художники точили карандаши – снимать на видео было запрещено. Делались ставки. На залог или подписку о невыезде ставило подавляющее большинство.

Минут за пятнадцать до начала заседания председатель суда Андрей Леонидович Ляпин подошел к окну, осторожно отодвинул жалюзи и сквозь щелочку выглянул на улицу. Сделать это подсказала секретарь суда, встревоженной курицей влетевшая в зал:

– Андрей Леонидович... Там...

Из подъехавшего автобуса с занавешенными окнами и жизнеутверждающей надписью «ОМОН» выскакивали бойцы в черном и с автоматами в руках. Разбегались в две стороны, выстраиваясь цепочкой.

– Ворон не считать! Стоим до команды «отбой»! – зычно кричал бойцам усатый командир в бронежилете.

Бойцы в судебном дворике, оцепившие здание, сомнений председателю не оставляли – они здесь из-за Пузина. Дабы снова задержать, если его выпустят. А потом тому предъявят новый эпизод.

Дьявол! И что же делать? С одной стороны Ланцов с тонким намеком на позитивное решение, с другой – Москва. Да еще журналистка про комиссию заикнулась. Это даже не когнитивный диссонанс. Это полный карачун, как говаривал персонаж популярного фильма.

Ляпин, разумеется, не подозревал, что присутствие ОМОНа было личной инициативой, вернее, самоуправством Димы Федорова. Он, так сказать, и отдал команду. А точнее – попросил по-дружески усатого командира, которому пообещал в ответ проследить за неверной супругой и предоставить вещественные доказательства измены. Как говорится, добрая услуга за услугу. Командир пошел навстречу, но просил уложиться в полчаса – больше он бойцов у суда держать не может, возникнут вопросы.

Идею с ОМОНОм подсказал Золотов. Он же попросил Настю провести интервью. Подготовить, так сказать, почву. Оставалось правильно посадить дерево. Вернее, Пузина-младшего.

– Напомню, ваша честь, что тяжесть совершенного преступления не является основанием для ареста, – заливался соловьем лучший в городе адвокат. – К тому же пока нет никаких доказательств, что вменяемые преступления совершил именно мой подзащитный.

– Тяжесть здесь ни при чем, – спокойно возразил Золотов, – У следствия есть основания предполагать, что Пузин скроется или будет оказывать давление на свидетелей.

Он ощущал какое-то странное спокойствие внутри. Нервничал, когда проверяли удостоверение. Проверили формально. А формально проверяют не когда доверяют, а когда боятся. Да и дело его правое. А не левое.

– Ваши основания базируются на предположениях и домыслах. Следуя подобной логике, можно арестовать любого мужчину за покушение на изнасилование, ибо каждый потенциально способен на это! Давайте! У Пузина есть постоянное место жительства, работы, он положительно характеризуется. Кроме того, мой подзащитный равнодушен к сложной ситуации, сложившейся в городе с нарушением общественного порядка, он является добровольным дружинником. Прошу приобщить к делу ксерокопию документа – удостоверения дружинника.

При этом известии Ляпин чуть не присвистнул. Представил себе Пузина с повязкой на рукаве, наводящим в городе порядок. Но копию забрал.

– Куда он скроется? – трагически вопрошал защитник. – Он же отсюда родом, у него здесь корни! У него здесь всё! К тому же Владислав Сергеевич страдает тяжелым заболеванием и нуждается в постоянном лечении. Прошу!

Адвокат ловким движением фокусника выудил из кожаной папки очередную справку.

– Болезнь не мешала ему разбойничать, – заметил Золотов.

Он прекрасно знал цену обоим приобщенным к делу документам, но не оспаривать же их подлинность. Подпись и печать есть? Есть. Значит, действительно Пузин – тяжело больной на голову дружинник. Начнешь копать – запросто выяснится, что, как раз следя за общественным порядком, и занедужил.

Адвокат гнул свою и без того гнутую линию:

– Ваша честь, содержание под стражей является исключительной мерой пресечения. Я предлагаю избрать любую другую. Домашний арест, залог, подписка о невыезде. Гарантирую, мой подзащитный будет являться по первому вызову и никоим образом не станет препятствовать следствию.

Судья перевел взгляд на следователя, ожидая ответных аргументов. Если их не будет, можно, пожалуй, избрать подписку. В конце концов, он при этом ничем не рискует. Пузина задержат снова? Это не его проблемы. Комиссия? Но он руководствуется фактами. Конечно, могут поинтересоваться, почему по таким составам и подписка? Но это лучше, чем оправдываться перед Ланцовым.

– Ваша честь, а, наверно, Игорь Петрович прав, – неожиданно для всех согласился Золотов, загадочно усмехнувшись, – действительно, зачем его арестовывать? В конце концов, в любой момент можно изменить меру пресечения. Верно?

Ляпин потряс головой, подумал – жара. Солнце в окна светило как умалишенное, а на кондиционер ни копейки из бюджета не выбить.

Адвокат забыл, что хотел рассказать еще об участии Пузина в благотворительных акциях, проводимых в городе, и тоже в недоумении уставился на представителя Следственного комитета.

– Но... Вы только что настаивали на аресте. На аресте, – растерянно напомнил Ляпин, шкурой чуя подвох.

– Да, настаивал, – легко согласился Вячеслав Андреевич. – Разве, ваша честь, не выглядело бы странным, если б я сразу попросил подписку для человека, обвиняемого по таким составам. Какие бы у вас мысли закрутились, а? Но, учитывая состояние здоровья и факт участия в охране порядка... Отпускайте, ваша честь, отпускайте. Будем полагаться на гарантии Игоря Петровича.

Судья хлебнул водички – в горле пересохло – и попытался уяснить: издевается следователь или своевременно получил свой бонус?

– Что вас смущает? – подбодрил Золотов: – Вы же тоже доверяете защите?

Вот уж что-что, а доверять защите – последнее дело. Каждому судье известно. Ляпин захряхтел – его взгляд заметался от одного присутствующего к другому в поисках скрытого смысла. Вольфа Мессинга из него не вышло – смысл ускользал. Тем более что после предложения Золотова присутствующие взгляды отводили или опускали к полу, разглядывая обувь – свою и чужую.

Нет, нет, никто денег следаку не засылал... А ОМОН не по душу Пузина, а по... Неужели?! Его, ляпинскую, душу?! Кто знает, что за полномочия у москвича?! И не готова ли у обещанной комиссии бумага об отстране... А потом...

– Я санкционирую арест...

Золотов подмигнул сидящему в клетке племяннику. «Ну что, дружинник? Начнем охранять общественный порядок?»

Спустя пару часов председателю суда пришлось держать ответ за вынесенное решение. Не перед квалификационной комиссией. И не у себя в кабинете, а на городской окраине, на территории умершего не своей смертью завода комбикормов. Хорошо еще, что разговаривали не в огромном, пустом и гулком цеху – в таких местах в кино всегда стрелки забивают для красоты картинку, – а на берегу засыхающей речки, в которую раньше завод нелегально сбрасывал сточные воды.

– Да его все равно бы закрыли!!! Все равно! – эмоционально доказывал собеседнику возбужденный Ляпин. – Даже ОМОН подогнали! ОМОН! А следом бы квалификационная комиссия, уже по мою душу.

– Какая комиссия, Андрюша, о чем ты?! Не опохмелился? – дознавался у председателя внешне спокойный, но внутренне разъяренный Иван Михайлович Купидон. – Мало ли что там ОМОН делал?! Террористов ловили, например. Учения...

– Не делай из меня дурака! Я первым делом позвонил в УВД! Не было никаких учений! И боевых действий тоже! Всё у нас спокойно! – Ляпин раздраженно сплюнул. – Но, в любом случае, знай – я из-за этого отморозка Пузина должность терять не хочу!

Ланцова душила скрытая ярость, и в аргументы судьи он вникать он не хотел. При чем здесь должность, если деньги заплачены? А теперь по милости этого гнилого законника свое кресло потеряешь! И на что тогда прикажете жить?

– Никогда, ни один следователь не попросит подписку по таким статьям! – не унимался Ляпин. – А тем более не местный, а московский! Ты же с ним не договорился, верно? Верно?

Увы, верно... Но это не снимало моральной ответственности с судьи, поэтому вместо ответа Ланцов послал его к Фемиде-матери.

– Вот видишь! – проглотил обиду Ляпин. Ничего, время придет – сочтемся. – Это же в чистом виде подстава! Неужели не понимаешь, что все гораздо серьезней?! Серьезней! Что не в Пузине дело! Пузин – это так, для затравки.

Председатель считал себя человеком политически грамотным и дальновидным. А, судя по новостям, ничего позитивного вокруг не происходило. Летят губернаторы и мэры один за другим в Лефортово. И никакие связи не спасают! Один Хабаровск чего стоит. А Коми? А уж их Великосельск? Чихнут и не заметят.

Ланцов же опасности видеть не хотел. То есть видел, но не абстрактную, а конкретную – необходимость отчитываться перед авторите... тьфу, руководством. В настоящий момент он не столько на Золотова был зол, как на придурка Ляпина. Майоришка-то варяг, пришлый. А этот свой. И для чего его столько лет прикармливали? Чтобы он жидко обосрался в ответственный момент? Прости господи за слово «жидко»...

– Да какая подстава, Андрюша?! – Он энергично шлепнул себя по щеке, чтобы убить комара. Но промахнулся.

– Ты новости иногда смотришь? Речь президента вчера слушал? – вразумлял покрасневший от напряжения председатель – призрак московской комиссии явственно маячил перед ним, словно нечаянно пойманный солнечный блик.

– Ты свою задницу президентом не прикрывай! – Ланцов даже руки в карманы спрятал от греха подальше, чтобы не задушить уroda. – Короче, завтра адвокат принесет ходатайство о залоге, и ты его удовлетворишь. Ходатайство, а не адвоката! Понял? Не перепутай со страху!

– Я, на минуточку, независимое процессуальное лицо! – насупился Ляпин. – И не надо мне указывать!

Он сделал свой выбор – в пользу столицы. А эта местничковская братва пусть сама свои косяки разруливает. Да, шел навстречу – когда мог. Но сейчас – извините. Своя мантия ближе к телу. Пряма, подумаешь, благодетели. Даже нормального кирпичного забора вокруг дома не могу поставить. Так – бетонные блоки дешевые.

– Что? – Побелевший от праведного гнева Ланцов сделал выпад. Правая рука все-таки вырвалась из кармана, указательный палец рапирой воткнулся в грудь председателя. – А ты помнишь, как тебя твоим независимым лицом на Машкиных крестинах в унитаз макали, чтобы в чувство привести? И как ты после этого умолял видео стереть! И кем бы ты сейчас был со своей процессуальной рожей, если бы не я?! Ты чего, милой, такой неблагодарный? Или опять водку спиртом разбавлял?!

«Вот мерзавец!» – оскорбился Ляпин. Нашел, что вспомнить! С кем не бывает – перебрал немножко, а они сразу на телефон снимать. Сам-то на этих крестинах в каком виде был?

– Знаешь, Ваня, – оглядевшись, не слышал ли кто, обиженно заявил председатель, стряхивая палец Купидона с груди, – ты выбирай выражения. Выбирай. Не вы меня

назначили, не вам мной и командовать. И подставляться на ровном месте я не собираюсь! Не собираюсь! Хотите, обращайтесь в областной суд. Туда несите свое ходатайство. Все, разговор окончен!

Ляпин резко развернулся на каблуках и быстро пошел в сторону припаркованного рядом внедорожника.

– Ну ты и козел! – в бессильной злобе кинул вдогонку Иван Михайлович.

А мог бы и нож метнуть. Но он не носил с собой оружия.

* * *

Тем же вечером Вячеслав Андреевич собрал чужие вещи в чужой чемодан и покинул гостеприимный коттедж. Жаль было расставаться с «холодильником-самобраном» и волшебным баром, но он сам выбрал свой путь.

Но скоро только сказка сказывается... Казалось бы – чего проще: вызвал такси, переехал в гостиницу. Да не тут-то было. С такси получилось, с гостиницей не очень, хотя она оказалась вполне приличной для глухой провинции. Называлась без затей «Гранд-отель «Великозельск». Но только селить туда Золотова категорически отказались, ссылаясь на отсутствие мест. Это притом, что на стойке администратора сиротливо скучали ключи почти от всех номеров. Да и в холле не было ни души. Волшебная книжница тоже не помогла. Ну нет мест!

Уже спустили команду сверху – догадался майор Фейк. Пришлось обращаться за помощью к Насте – не на кургане же ночевать. Она появилась, как сказочная фея, – практически мгновенно и в новом платье.

Как оказалось, в городе кроме центральной гостиницы водились и несколько маленьких, частных. В одну такую и привезла его храбрая журналистка.

Свежевыкрашенное в желтый цвет небольшое двухэтажное здание с неоновой вывеской «Пастораль» окружал плетеный забор, за которым пышно цвели лохматые пионы и паслась пенопластовая корова.

Анастасия звонко выстучала марш Мендельсона каблуками по плитке, взлетела на крыльцо и распахнула дверь. Призывно звякнул колокольчик. Золотов немного отстал, рассматривая пионы. У его мамы такие же.

– Здравствуйте, Олег Михайлович! – бодро поздоровалась Настя с полнощеким хозяином, скучающим за небольшой полированной стойкой.

– Здравствуй, Настенька.

Лик печален, голос глух, краски тусклы. То ли человек, то ли пенопласт.

– Места есть? Человеку жить негде, – Настя кивком головы показала на Золотова, закатывающего в дверь чемодан. – Поселите?

– Поселим, – кивнул хозяин, протягивая бланк анкеты, и тяжело вздохнул, – заполняйте.

– Что-то случилось? – сердцем почуяла неладное журналистка. Олег Михайлович был друг семьи, приятель отца, с которым даже после развода мать сохранила добрые отношения. Балагур, душевный, легкий в общении.

Гостей обычно встречал свежим фривольным анекдотом, подтрунивал над Анастасией, интересовался делами отца, передавал привет матери. А тут – сухое «заполняйте».

– Беда у меня, Настенька, большая беда...

– Кто? – коротко спросила дочь друга, готовясь высказать соболезнования.

– Типун тебе... Живы все, тьфу-тьфу... Бизнес отжимают...

– Кто? – вновь переспросила Настя, теперь уже в верной трактовке.

– А ты не знаешь, кто... Они.

Уточняющих вопросов можно не задавать. В городе есть только одни «они».

– И главное, всё по закону нороят. Никто не приходит и не требует – отдай! А так – проверочка, пожарники, санитары... Обидно, Настя, не представляешь, как обидно... Я ж этот отель с нуля поднял, пять лет в долгах. Только копейка в плюс пошла – тут же прибежали! Всё им мало! Рейдеры хреновы! Представляете, к чему сейчас прикопались? – Он двумя пальцами поднял над стойкой полиэтиленовую шапочку для душа и дунул. Шапочка выгнулась и стала похожа на летящую по воздуху медузу. – Почему на шапочки для душа нет сертификатов? Где гарантия, что они не радиоактивные? Люди, мол, моются, а потом лысеют! А дальше по старой схеме – договариваться будем или лицензию отбирать? Тьфу!

– А что, правда лысеют? – не сразу въехал в ситуацию гость, занятый мыслями о пионах.

– Да что вы! – Олег Михайлович всплеснул руками. – А если и есть такое дело, то не от шапочек. Лучше бы водопроводом занялись, от нашей воды не только польсеть – чешуей покрыться можно. Но это ж с водоканалом надо разбираться, а там юристы в штате! А у меня...

Хозяйская длань сжалась в тяжелый кулак.

– Я решил, – он перешел на шепот, – если что... Пожар! Чтоб никому... А сам...

Лысеющая голова упала на грудь.

– Олег Михайлович, да что вы такое...

Договорить Анастасия не успела. Звякнул колокольчик.

Двое субъектов абсолютно неподкупного вида с папочками в руках по-свойски подошли к стойке. В одинаковых темных костюмах и в темных очках. Люди в черном. Борцы с инопланетной нечистью.

– Здравствуйте. Вы хозяин? – строго поинтересовался один, обращаясь к Олегу Михайловичу.

– Здравствуйте. Я, – не в силах скрыть очевидное, признался последний.

– Комитет по охране интеллектуальной собственности. Скажите, в номерах есть телевизоры? – практически в унисон выпалили визитеры.

– Есть.

– Будьте добры, покажите договоры с каналами о трансляции программ. – Отработанные интонации явно нацелены на то, чтобы деморализовать жертву и лишить способности к сопротивлению.

– Чего? – Олег Михайлович интонации уловил, но смысла не понял. Как, впрочем, и Настя с Золотовым. – Какие договоры? О чем? Я с водоканалом могу показать...

– Вы транслируете программы гостям, – с интонацией телефонного робота объяснил номер первый, – берете за это плату. Обязаны отчислять процент правообладателям. Отчисляете?

– Но это же эфир! – возмутился хозяин бизнеса, помахав рукой перед лицом и над головой. Демонстрируя, что эфир – дело нематериальное. – У вас ведь дома тоже есть телевизоры, и вы никому не отчисляете!

– А чем докажете, что не включили телевизионную трансляцию в стоимость номера? – поддержал первого робот номер два.

Вопрос каверзный. Чем тут докажешь? А если разнюхают, что в единственном номере без телевизора стоимость ниже, то пиши пропало. Попробуй объясни, что там окно выходит на мусорный бак и за стеной вентиляция постоянно шумит. Да и постояльцы этот номер не жалуют.

– Ну что вы! Мне бы и в голову такое не пришло! – Олег Михайлович сунулся в ящик стола в поисках валидола и спичек. (Пожар, только пожар!)

Золотов наблюдал за происходящим. Скучно. Ничего не меняется. Эх, человечество! Что при Николае Васильевиче, что сейчас. «К нам едет ревизор». Приехал.

– Стало быть, договоров вы не заключали, – дожимал инспектор, профессионально почуяв слабинку измученного подзаконными актами хозяина, – и на музыку наверняка тоже.

Вы же в кафе музыку включаете? Между прочим, это уголовная статья. И соответственно – лишение лицензии.

Золотова сценка стала утомлять – пора заселяться, вещички распаковывать. Душ принять. А тут эти – два с ларца... Законное беззаконие – великозельский стиль жизни! Да и не только великозельский. Это наш стиль, сынок...

– Момент, – он поднялся с диванчика, – господа, будьте добры ваши документы.

Визитеры чуть растерянно переглянулись, но подвоха не уловили и мандаты доставать не торопились.

– А вы, собственно?..

– А мы, собственно, Следственный комитет, – небрежно проинформировал Золотов, извлекая волшебную книжицу, – можно ваши документы?

Охранники интеллектуальной собственности, приоткрыв рты, взгляделись в корочки. У обоих одновременно, словно поршни, заходили кадыки.

– А у меня документы в машине, – пришел в чувство номер первый, – я сейчас...

Робот номер один словно растаял в воздухе, забыв про корпоративную солидарность. В приоткрытое окно залетел звук заводимого двигателя.

– А где у вас туалет? – подал голос номер «два».

– Там, – Олег Михайлович кивнул в направлении лестницы.

– Спасибо, – проверяющий повернулся и сиганул в обратную сторону – на выход.

Дверь хлопнула, колокольчик задорно звякнул.

– В следующий раз документы проверяйте, – посоветовал Золотов.

– Да, конечно, – не веря в собственную удачу, отозвался хозяин, вытирая клетчатый платком взмокший лоб. – Обалдеть! Вот, жуки!

– Эти у вас точно бизнес не отождут. И не надо ничего поджигать.

Гостиница у Ермакова воображение искушенного москвича не поразила, но все необходимое здесь имелось. Номер чистый, кровать широкая, шкаф просторный, стол круглый. Даже плазменная панель на стене и пульт.

– Устроит? – Настя вошла в номер вслед за Золотовым – убедиться, что все в порядке.

– Вполне.

Золотов скинул ботинки, явив миру дырку на носке. Вроде бы утром целые надевал, что ты будешь делать? Дешевые носки носит майор Плетнев. Настя заметила его огорченную мину и еле сдержала улыбку. Он снял пиджак, выложил на тумбочку бумажник, документы и мобильный.

Пощелкал телевизионным пультом, переключая каналы. Каналов было всего три – местный, первый и «Насилие».

– С сегодняшнего дня эфир бесплатный! – провозгласил майор Фейк, бросая пульт на кровать. – Настя, я сейчас, быстро переоденусь. Не уходи. – Прихватил чемодан и вместе с ним скрылся в ванной комнате.

Тут же в дверь номера вкрадчиво постучались. Олег Михайлович лично принес поднос, на котором остывало шампанское в серебряном ведерке со льдом, ловили блики хрустальные фужеры и радовали взгляд иноземные фрукты.

– Пожалуйста, это вам.

– Ой, Олег Михалыч, ну зачем вы!

– Это я заказал, – раздался бодрый голос из ванной. – Настя, там бумажник на тумбочке, заплати, пожалуйста.

«Зайчику в день рождения», – обрадовала золотистая открыточка под прозрачным пластиком бумажника.

Настя с трудом сдержала порыв – схватить его паспорт и проверить – не женат ли добрый молодец... Да и что толку – отсутствие штампа не освобождает от любовной ответствен-

ности. Зайчику в день рождения! Все понятно и без паспорта. На подобные подарки способна только любовь. А она-то, она! О чем вообще думала? На что рассчитывала? (Говорила мама, предупреждала дуру непутевую!) Мысль, что она – мимолетное провинциальное развлечение для московского семьянина острой иголкой впиалась в трепетное сердце. Эх! Поглумился над девичьей честью!

Насупившись, храбрая журналистка рассчиталась с Олегом Михайловичем, убрала сдачу и, расстроенная, присела на кровать, прямо на телевизионный пульт.

– А у нас – реклама! – бодро заорала панель.

Настя вздрогнула, выключила телевизор. Из ванной вышел свежесбрившийся Золотов в спортивном костюме и новых носках, предвкушая романтический вечер.

– Сюрприз, – он метнулся к натюрморту с шампанским и фруктами, – отметить новоселье!

– Я за рулем. И мне пора, извини, – тоном Снежной королевы попрощалась Настя, поднимаясь с кровати и направляясь к дверям. – Зайчик!

Золотов фишку просек мигом, заглянул в бумажник и поморщился. Ах, Антон Романыч! Что ж ты так неаккуратно! Мстишь мне, что ли? Дистанционно. Без памяти лежа. И самому не до личной жизни, и мне решил картинку подпортить. Это ж провинция – здесь семейные узы пока еще чтут. Надо срочно спасать положение.

– Ой, Настюш, – бросился он вслед Снежной королеве, – это сеструха мне подарила! Помнишь, я про нее рассказывал? Она меня с детства зайчиком называла, я же младше.

Вот так – только начнешь новую, честную жизнь, как тут же приходится врать и выкручиваться. Диалектика.

– А мама у вас зайчиха, да? С длинными ушами.

– Да клянусь! Правда! – не сдавался честный парень Золотов. – А ты что подумала? Что ты для меня командировочное увлечение?

Он подошел к ней вплотную и заглянул в глаза. Еще немного – и польются ручьи по девичьим щекам.

– А это не так?

Вместо ответа он пододвинулся еще поближе, коварно, по-партизански приближаясь губами к ее губам. Подтолкнул к кровати и аккуратно опустил. Снова на пульт.

«Чтобы славно отдохнуть, я беру с собой на юг полотенце, маску, ласты... Сиалекс!!! А что?! А вдруг?! Сиалекс! Уверенность всегда с тобой!..»

Не всегда...

Настя вздрогнула и вскочила с кровати, смущенно поправляя цветастый сарафан.

Зайчик, понимая, что возможность упущена, выключил предательскую рекламу, встал, подошел к окну и раздвинул шторы. Обозрел открывшийся пейзаж.

Во дворе гостиницы на полотняном матрасе качелей дворовая кошка с упоением поглощала чью-то стельку, выуженную из мусорного бака.

– А хорошо здесь у вас... Практически – Турция...

* * *

В это же самое время в настоящей Турции на балкон отеля вышла другая зайчиха. Ирина Плетнева. В банном халате на голое тело. Ей повезло больше – они в номере телевизор не включали, даже пульт не помнили где лежит. И про сиалекс не узнали... Следом выполз большой заяц Деризубов. Тоже в халате.

– Красиво. Сто лет на море не был, – легкая тень романтики напозла на мужественное лицо сурового контрабандиста.

– Я тоже. Последний раз со своим ездили. Только не сюда, а в Кемер. Страшно вспомнить. Представляешь, Коль, он мне и там ухитрился изменить.

Если по-честному, то никто никому не изменял. Плетневу вообще не до этого было. Он дул пиво и играл в волейбол. Но Ирочку напрягала опасная близость от мужа нахальных волейболисток в бикини, поэтому отдых периодически разбавляли бурные сцены ревности.

– А почему терпела? – мягко поинтересовался Коля.

– Боялась, если честно... Слабой женщине трудно одной. А так хоть гнилая, но опора.

Лукавила Ирочка – никакой опоры, даже гнилой, она в муже давно не видела. Считала, что именно она для него опора. А он – просто инфантильный увалень. Но с харизмой. За эту харизму она замуж и выскочила, да и пора уже было – скоро тридцать, а штампа не имелось. Лучше быть разведенной, чем старой девой. Но не разводилась. Втянулась, если можно так сказать.

– И сейчас боишься? – оторвал от невеселых дум Деризубов.

Воспоминания о Плетневе каждый раз заставляли Колю напрягаться. Причем совсем не из-за камней. Даже если бы брьюлики вернул, если бы покался и в ногах валялся, то все равно следовало его примерно наказать через расстрел. Чтобы не отсвечивал на горизонте, не мешал личной жизни.

– Нет, теперь не боюсь. Я с тобой рядом ничего не боюсь. – Ирина доверчиво прильнула к владельцу камней, слегка распахнув халатик.

Могущественный и грозный заяц от таких слов и от близости вождя тела снова громко сглотнул. Хотел затащить ее обратно в номер, на кровать и немножко утешить, почитав Блока. Но был он человеком конкретным, поэтому любил определенность.

– А зачем тогда ищешь? – хрипло уточнил он.

– В глаза хочу посмотреть, – с затаенной обидой ответила Ирина и прошептала, – Коль, а там много камней было?

– Можно купить два таких отеля и на апартаменты останется, – проворчал Деризубов. – Стал бы я его искать из-за мелочи! Черт дернул ему поверить! Гудкова, дебила, послушал.

– Только не убивай Антона, ладно?

– Ладно.

Деризубов ощутил себя всесильным вершителем судеб – в его власти казнить или миловать. Но в то же время чувствовал, что ради этой хрупкой женщины готов поступиться принципами. Даже под угрозой потери авторитета.

– Самый большой камень – твой. Когда вернем.

Заяц Коля глядел на нее с нежностью и похотливым восторгом. Когда-то он и сам был не чужд сантиментам, да жизнь, паскуда, переломала всю романтику, как злой ребенок игрушки.

– Пойдем к морю.

– Вообще-то я моря боюсь, – призналась Ирина, на этот раз совершенно искренне, – в детстве чуть не утонула. В сети запуталась. Как русалка. Орала, как резаная, хорошо слышали, вытащили. Теперь только в бассейне, да и то у бортика.

– А ты представляешь, – радостно припомнил Деризубов – есть и у них кое-что общее, – я тоже однажды чуть не захлебнулся! В шторм решил поплавать! Гы-гы-гы...

Ирина повернулась к нему, пронзила лазерным взглядом:

– Наверно, это судьба...

И они слились...

* * *

– Когда? И что конкретно предъявляют?! Понял. Ладно, Маша, ладно... Не плачь. Держись, Маша. Пока.

Городничий Виталий Иванович Марусов, положив трубку, сразу же нажал кнопку селектора и вызвал к себе верного, но не быстрого разумом Ланцова.

Тот появился мгновенно, словно ждал под дверью. Такие способности достигаются долгими тренировками.

– Я Машке звонил, Генкиной жене! В Москву. Отгулялся Генка! В Лефортово!

– Хорошо хоть не в Бутырку. В Лефортово терпимо, – успокоил помощник.

– Издеваешься?!

– Да правда – лучше. Василь Романыч из финансового отдела как-то...

– Какая разница?! – перебил Марусов. – Главное – арестовали! Понимаешь теперь, почему этот следак носом землю роет?!

Городничий сунул руку под пиджак, потер грудь в том месте, где оглушительно билось пламенное сердце.

– Понял, что запахло, в «обратку» пошел.

Виталий Иванович отметил про себя, что Ланцов его здоровьем ничуть не обеспокоился, даже валидол не предложил, воды стакан не поднес. Значит, и руку в тревожный момент не протянет. Никому нельзя верить!

– Хрен там! Не Генка его к нам послал! Врубаешься? А чтобы реально накопал! Я эти эфэсбэшные штучки знаю... Прихватят за одно, а потом довески шьют.

– То-то он мялся, когда я его про шефа спросил, – припомнил помощник.

– Конечно! И копать будет не только по лекарствам! Это так, повод!

Да, ситуация складывалась – забавней не придумаешь. Конкуренту не пожелаешь!

– Боюсь, из-за другого все дело. – С плохо скрываемым страхом мэр взглянул на зама и тяжело опустился в кресло.

– Из-за чего? – напрягся Ланцов, вместо того чтобы поддержать подельника по распилу бюджета.

Непонятно было, что следует делать дальше, как себя вести. То ли Марусова держаться, то ли, наоборот, дистанцироваться и отрешиваться. Мол, я не я и хата не моя. Принудили. В заблуждение ввели. Помощник – человек подневольный, что скажут, то и исполняет.

– Я тут одного инвестора послал подальше, – мрачно признался городничий, – московского. Хотел у нас стеклозавод по дешевке выкупить.

– Так надо было продать, всё равно стоит.

– Умник! Так все распродать можно. Самим пригодится! А сразу после этого ревизоры и понаехали. Не бывает таких совпадений.

– А что, инвестор – уважаемый человек?

– Более чем, – нехотя признал Марусов и добавил решительно, взяв себя в твердые руки: – Ладно, кто бы проверку ни прислал, меры принимать надо. Найди старшего Пузина и закройте вопрос с материалами по тендерам.

– В каком смысле?

Марусов подумал, что Купидон достиг пика своей карьеры. Дальше ему не прыгнуть – туп.

– В прямом.

– Я не очень понимаю...

– Ваня, ты идиот или прикидываешься?! Уничтожьте все материалы! Всё уничтожьте! Совсем!

Городничий жестом показал объем опасных материалов. Объем был велик.

– Просто так не получится. Материалы в архиве, архив под охраной, – тупил Ваня.

– Ну придумай что-нибудь! Детский сад какой-то! Да, и в больнице хоть косметический ремонт сделай. В той, где Плетнев лежал. Как бы он еще в здравоохранение не полез. Деньги найду.

В эту минуту дальнейшая судьба помощника была решена. Даже при самом оптимистичном раскладе будущее ему светило проблемное. Марусов решил разобраться с делами и Купидона потихоньку слить. Найти нормального, чтобы соображал быстрее. А этот – отработанный материал. Плохо только, что знает до хрена. Но ничего... Знать – не значит сказать.

– Короче, подойди к делу творчески. С огоньком!

Иван Михайлович вовсе не был идиотом. Просто в нужный момент умел им прикидываться. Что характерно, эта его способность очень помогала в жизни.

Выключив кнопку записи на смартфоне, он едва заметно поклонился и вышел вон.

* * *

Мелкий романтик Дима Федоров разглядывал разложенные по столу фотографии с любопытством профессора лингвистики, случайно залезшего на порносайт. А неплохо, наверно, было бы такую штукенцию Насте подарить. Хотя романтизм романтизмом, но лично он, Дима, выбрал бы что-то более существенное, например моторную лодку, чтобы с любимой на рыбалку плавать.

Фотографии были аналоговыми, бумажными. Для подшивки в уголовное дело. На каждой запечатлён, проявлен и закреплен ювелирный артефакт. Одни кокетливо выглядывали из уютных бархатных коробочек, другие сверкали сами по себе, без тары и фантиков. Федоров подумал, что наверняка фотографировала их длинноногий эксперт Зиночка Козина – только девушка способна так снимать бриллианты. Словно для каталога. И вертикально, словно фаллические символы.

Но в каталог фото пока не попали, а оказались в камере для допросов следственного изолятора города Великозельска, где и были предъявлены младшему Пузину.

– Еще раз повторяю, – арестант раздраженно зыркнул на произведения фотографического искусства, запечатлевшие шедевры искусства ювелирного, – я понятия не имею, как это оказалось в моем доме. Наверно, сами и подбросили. Где мой адвокат? Я без адвоката говорить не собираюсь.

Пузин красоты снимков не оценил, небрежно сгрэб в кучу, словно азартный игрок карты, и сдвинул на другой конец стола, в сторону Федорова.

– Ты сколько угодно можешь требовать адвоката, заявлять, что ты святой великомученик, жертва политического аборта и тоталитарного режима, – в десятый раз повторял Дима, чувствуя, что роль попугая – не его амплуа, и поэтому начиная заводиться, – только ты уже здесь. Здесь ты и останешься. Усекаешь? Всё – машина запущена. И никакой адвокат тебя не спасет.

Пузин не оставлял надежды выйти на свободу и верить в неизбежность наказания никак не хотел. Ничего, дядя поднажмет, поднимет связи. Племяша родного не бросит. Тем более что племяш знает много. И не только про лекарства.

– А ты бежал бы лучше в хозтовары, рукавицами запасался. Помнишь, как двор подметал? Теперь одним двором не отделаешься, – мстительно заметил Пузин и в воображении нарисовал апокалиптическую картину: все три этажа мусарни маршируют с метлами наперевес. – Нет, ты теперь будешь у меня сортиры уличные чистить. И на москвича управа найдется, не таких ломали. Еще и звезд на погонах недосчитается за превышение, олух.

– Не, ну ты точно дурак, – усмехнулся Дима, в свою очередь представив с метлами городское руководство и лично младшего Пузина, – какая управа? Сам ты олух! О себе бы сейчас подумать, а ты о чистоте сортиров. Жизнь, Влад, – штука хрупкая. Как ваза. Упадет и разобьется.

Пузин напрягся так, что глаза выпучились вполлица, как у гадящего той-терьера, и устался на Федорова в ожидании разъяснений. Что еще за намеки дешевые? Какие вазы?

Дима нащупал болевую точку и принялся бить прямо в нее:

– Неужели не хватает куриных мозгов понять, что умереть от сердечного приступа в камере так же просто, как и подавиться сухариком? Особенно когда ты ничего не успел нам рассказать. Утром сокамерники проснутся, а ты остываешь с загадочной улыбкой на устах. А дядюшка твой любимый и возразить не посмеет.

Влад, конечно, знал, как убирают свидетелей, в том числе и в изоляторе, но на себя роль жертвы не примерял.

– Я не собираюсь ничего рассказывать, – повторил он, но уже с легким сомнением, – понял?

– Ага, я-то понял, но, боюсь, не все про это знают, – легко согласился Дима. – В этом-то и беда. Ты же член сплоченного, дружного коллектива...

– Сам ты член!

– Я вообще-то другое имел в виду, но и это тоже. Ты меня не перебивай. Так вот, если коллектив может пострадать от одного члена, то есть гражданина, то этому гражданину, то есть члену, не поможет никакой адвокат. Скорее даже наоборот, усекаешь?

Пузин, надо отдать ему должное, когда хотел, соображал быстро. Дядюшка до сегодняшнего дня был не в курсе налетов. И вряд ли одобрил бы подобные шалости. И про членов мент не гонит, правду говорит. Пузин помрачнел еще больше и тон разговора сменил.

– Ты ведь, Влад, обычная прокладка... Слышал про такой термин?

Влад, конечно, слышал. И речь не о бабских аксессуарах. Хотя суть та же самая. «Прокладками» на деловом языке называют господ, через фирмы которых уводятся бюджетные деньги. Сам чиновник не может и находит «прокладку». Периодически их меняет. Или убирает.

– Сам ты прокладка!

– И сменить прокладку – проще некуда, – спокойно продолжил Федотов.

Да. Пузин это понимал. Но, главное, понимал другое. За дело взялась Москва. И мент прав – свои могут не прикрыть. Скорее, наоборот...

– Вы мне тоже не поможете, – заметил он с такой безысходностью в голосе, будто при острой боли получил номерок к стоматологу через две недели.

– Как знать, Влад, как знать, – Дима внутренне расслабился и незаметно выдохнул. Сам себя похвалил за грамотную беседу, придал голосу строгости и продолжил растолковывать: – Не убирают тех, кого нет смысла убирать. Кто не является носителем эксклюзивной информации. Ты же не первый год замужем, сам понимать должен. По сравнению с этими художествами, твои шашни с лекарствами – так, мелкие грешки. И на людей, которые вместе с тобой в грабежах замешаны, у папы твоего управы нет.

Дима направил указующий перст в сторону снимков. Они лучше всяких слов подсказывали, за что ночью в камере на голову легко может подушка опуститься. Воздухонепроницаемая. И вспомнил мелкий романтик, о чем шептались серьезные люди, – у Владика Пузина при пожаре очко играет, в смысле – трусоват парнишка и, чтоб шкуру свою спасти – дядю родного не пожалеет. Да что там дядю! Отца!

– Вот эту штучку, – Дима ткнул пальцем в одно фото, – вы взяли на улице Большевиков у антиквара. В прошлом году перед Рождеством. Были с тобой Витя Бритва и Коля Кудесник. Сегодня планирую их навестить – и думаю, кое-кто из членского коллектива встревожится.

– Откуда знаешь? – Пузин, теряя апломб, все больше походил на вокзальную торговку семечками. – Не докажете!

Все, поплыл племянничек, слюной брызжет, словно фонтан «Писающий Самсон». Дима в предвкушении успеха приосанился и приготовился слушать, откинулся на стул, чтобы фонтан не забрызгал. Чувствовал, что до победы осталось полшага. Главное – не тормозить.

– Докажем, докажем, главное есть – чем. А вот Коля и Витя подумают о мальчишке по имени Владик. И, подумав, огорчатся. А огорчившись, обидятся. Ибо, как сказано в Писании: преступление, совершенное группой, есть отягчающее вину обстоятельство.

Мальчик по имени Влад представил, как лежит на шконке бледный, холодный, с открытыми глазами и вывалившимся языком. Или с перерезанным «Жилеттом» горлом. Настройся на лучшее! А бездушный следователь составляет протокол осмотра трупа сухим казенным языком, что еще обидней.

– И потом, – осторожно присовокупил Дима, выдержав роскошную мхатовскую паузу, – Москва умеет не только закрывать, но и прикрывать. Москва – крыша надежная. Одним словом, Влад, выбирай. Усекаешь? Москва! Как много в этом звуке...

Пузин напряженно зашевелил извилинами – работа мысли красноречиво отражалась даже на побледневших ушах. Чем дольше размышлял, тем больше рационального находил в словах мента.

– Ладно... Но мне нужны гарантии.

– Обязательно!

Из изолятора мелкий романтик прилетел к Золотову с просветленным ликом. Принес благую весть.

– Есть! Пузин пошел на контакт! – затрубил он весенним лосем, врываясь в тринадцатый кабинет. – На протокол пока ничего не дает, гарантий требует, но это не суть. Главное, бубнит. По лекарствам интересного много. Тему ему, разумеется, дядюшка подкинул. Мол, нужен свой человек вести бизнес. Он же не предполагал, что Владик разбоями увлекается.

– Кстати, а зачем Владу разбой при легальных доходах?

– Марку держать! Имидж! Короче, выписывай постановление на выемку материалов, и гоним в архив.

– То есть ты намекаешь, что появятся новые арестанты? – с тоской во взоре уточнил мистер Фейк.

– Ну это как пойдет. А есть уверенность, что пойдет.

– Тут по одному Пузину работы на год, – кивнув на пачку дел, заметил Золотов, – вам, операм, легко говорить. А я сюда не на всю оставшуюся жизнь приехал. Я, если ты забыл, в другом месте проживаю.

– И что ты предлагаешь? – Просветленный лик потускнел.

Если сейчас калининградский следак рогом упрется, то все – плакало дело. Никто больше не возьмет на себя смелость против системы переть, пусть она и мелкая система местного, великозельского розлива. Пузин выйдет, как пить дать выйдет. И что дальше? О том, что последует дальше, думать Федорову не хотелось. Чистка сортиров – цветочки из того, что ему маячило в перспективе.

Вячеслав Андреевич не мог не заметить перемен в лице нового напарника и соперника в амурных делах. Мысли Димины, казалось, пробегали по лбу светящейся строкой – вроде надписи над дверью парикмахерской: «стрижка горячими ножницами, пенсионерам скидки».

Золотов немного подумал, определяя свое место в истории. А место это называется «довыпендривался». С другой стороны, сбежать никогда не поздно.

– Хм, ладно, поехали.

...Колченогий УАЗ, ухабы, архив.

Вернее, ухабы все еще были, а архива уже нет.

Вместо него – три выгоревших окна на первом этаже закопченного двухэтажного дома. В воздухе ошметки сажи, запах гари, хлопья пожарной пены и черные лужи.

– Это что, пожар, что ли? – Федоров первым выпрыгнул из машины, бросился к обгорелому окну с выбитыми стеклами.

– Нет, это челябинский метеорит. И сюда долетел, – спокойно пояснил мистер Фейк, совершенно не удивившись подобному развитию событий.

– Нет у нас больше архива, – печально констатировала кручинившаяся возле окон дама в синем халате. – Какие-то паразиты в окно бутылку кинули с зажигалкой.

– Откуда знаете? Вы их видели? Опознать сможете?

– Вон сторож напротив видел, – дама нервно дернула головой, словно отгоняющая слепней кобыла. – Говорит, на джипе подъехали, выскочил мужик здоровущий, кинул и свалили. Почти весь архив сгорел. А что не сгорело, то водой залило. Чтоб они неладны были! Как людям без архива?

– Козлы-ы-ы, – протянул мелкий романтик и вернулся к стоящему возле машины Золотову, – понимаешь теперь? Следы заматают, гады. Видать, здорово перепугались.

Дима принялся снимать стресс подручными средствами. Табак, спички. Страшную картинку почерневших легких на пачке он заклеил кусочком пластыря, дабы не смущала.

Золотов обошел компаньона и переместился с подветренной стороны. Сам он не курил, старался вести здоровый образ жизни, – в столице больным быть не комильфо, да и курить нынче не модно. Проклятая антиреклама.

– Блин, лишь бы свидетелей убирать не стали, – озабоченно заметил Федоров.

– А могут? – насторожился храбрый следователь.

Как бы и его в скорбный список не занесли, к свидетелям. Благородство, спора нет, дело понятное, но не такой же ценой! Ему еще в планах, как положено, дерево сажать и сына рожать. Нет, рвать когти отсюда нужно, пока не поздно. В самом деле, какая разница, кто победит в Великозельске – Дураки или Горынычи? В масштабах страны это ничего не изменит.

– Они, как короли, – все могут, – авторитетно заверил Дима. – Помнишь песню такую? Куратор твой, Ланцов, между прочим, с авторитетами воровскими якшается. Вполне возможно, это с его подачи. Пойдем, что ли, со сторожем потолкуем.

Необходимо было срочно сворачивать это шапито с аттракционом «необычайная смелость». Пока сторож не донес своим хозяевам, что москвич и сюда любопытный нос засунул.

– Боюсь, он ничего не скажет, – охладил Золотов пыл младшего товарища, – даже под угрозой очень больших денег.

Но Дима, как сеттер-медалист, уже взял след и встал в стойку. Свернуть рьяного капитана с пути не смогла бы и колонна бэтээров, что уж говорить об одном напуганном перспективами московском специалисте по правовым вопросам из районной администрации. Стоять столбом посередине улицы было глупо, поэтому Вячеслав Андреевич в очередной раз вздохнул и пошел догонять романтика.

Опытный Золотов оказался прав на все сто. Сторож вел себя как индеец в плену у бледнолицых. Гордо повторял, что спал и ничего не видел.

– Виноват, граждане офицеры! Заснул, как есть заснул на дежурстве. Так спал, ничего не слышал. И не пил ведь с вечера, а сморило...

– Но вы ведь говорили уборщице, что подъезжали на джипе, бросили в окно зажигалку. Говорили? – Упертый лось Дима не терял надежды докопаться до истины.

– Я? Говорил? Да это мне приснилось, а сам-то я ничего не видал. Приснилось, говорю ей, а она, дурында, поняла не так. А архив вообще не мой объект, че мне за ним глядеть? У меня свое начальство, свой объект. Вон, склад охраняю...

– Пойдем, – махнул рукой Дима Золотову. И добавил, когда они отошли: – Здесь ловить нечего. Ни черта он не скажет. Этот склад – пuzинской мамыши, она на нем спиртное хранит. Бизнесумен, блин.

Рабочий день пролетел как жизнь – быстро. К вечеру Вячеслав Андреевич, опухший от процессуальных бумаг, добрался до гостиницы, не раздеваясь, завалился на кровать и забылся богатырским сном.

Проспал он недолго, разбудил богатыря громкий стук в дверь. Встал, открыл, посмотрев в глазок. Хозяин отеля Ермаков стоял на пороге с видом героя знаменитой картины «Опять двойка».

– Извините, Антон Романович, если разбудил, – виновато заныл он, – опять приходили. В этот раз экологи. Спросили, почему урны у входа нет. А при чем здесь я? Это же муниципальная земля, я только арендую. Они и должны ставить урну.

– Какая еще урна? – не понял спросонья Золотов и, продирая глаза, заработал ладонями круче «дворников».

С ума они все посходили? Он чего хочет? Чтобы Золотов ему урну купил?

– Обычная, для мусора, – монотонно канючил Олег Михайлович, переминаясь с ноги на ногу, – понимаю, для вас это мелочь. Но и вы меня поймите. Мне не жалко денег на урну, но потом возникнет вопрос с вывозом мусора. Санитары душить начнут, договор требовать. В общем, опять меня сегодня штрафанули. Так, без акта.

«Штрафанули без акта». То есть деньги в карман положили, да еще и пригрозили. Штраф в бюджет отдельно взятого лица. Красавцы!

– И на сколько вас?

– Тридцать, – оглядевшись по сторонам, прошептал Ермаков, будто выдавал государственную тайну и передавал иностранному шпиону план укреплений.

– А от меня-то чего хотите?

– Так они завтра снова придут!

Хозяин произвел некое движение, будто собирался посередине коридора бухнуться на колени. Золотову пришлось поддержать его под локоть – испугался, что начнет челом об пол бить, не остановишь.

– Посодействуйте, Антон Романович! Это ж беспредел форменный!

Он снова оглянулся по сторонам, как опытный разведчик, лишний раз удостоверился, что свидетелей разговора нет, и зашептал:

– На «проездной» намекали. Мол, купи на год и ходить не будем. Ну не поджигать же мне гостиницу!

По правде сказать, игра в Бэтмена Золотову поднадоела. Он давно понял, что на один маленький Великозельск нужно не меньше десятка лучших супергероев – один человек тут за всю жизнь не управится. Но Ермаков был добрым знакомым Насти, поэтому отказать ему он не смог. Да и спать хотелось, как знакомому медведю, выгнанному из берлоги. Сил не было сопротивляться. Нечленораздельно пообещал с самого утра разобраться и побрел на ложе.

И слово свое сдержал! Утром облачился ради такого случая в форму и на местном автобусе поехал к главному великозельскому экологическому начальнику с говорящей фамилией Ежиков.

– Доброе утро! – размашистым шагом победителя вошел в кабинет и махнул магическим удостоверением: – Следственный комитет. Москва. Плетнев. Майор Плетнев.

Ежиков, упитанный мужчина средних лет, восседал среди аквариумов, чучел птиц и прочей дребедени а-ля натюрель, выдержанной в зеленых тонах. Даже засушенный карась у него был зеленым и несвойственным рыбе цветом наводил на мысли о ботулизме.

– Здравствуйте, – хозяин кабинета подскочил в кресле. Такого визитера он никак не ожидал, – Ежиков Борис Анатольевич.

– Знаю, – строго заметил Золотов, не дожидаясь приглашения и усаживаясь на стул. – Без долгих предисловий. Соблаговолите, Борис Анатольевич, материалы по госзакупкам за прошлый год. Тендеры, отчеты, договоры.

Почти то же самое, слово в слово, говорил совсем недавно ему, Золотову пришелец из Контрольно-ревизионного управления некто Белов. Беспристрастный и неподкупный, как манекен.

– А... почему? – Ежиков побледнел и икнул. Совсем как тогда Золотов. Похоже, в подобной ситуации других вариантов поведения не предусматривалось.

– Вам рассказать о моих полномочиях? – нахмурился посетитель, сняв чуждую ему фуражку и положив перед собой на стол.

– Нет. Я в курсе, – Ежиков рухнул в кресло, будто у него отнялись ноги.

Руки у него тоже отнялись. И мозги отшибло, причем явно не сегодня, а гораздо раньше. Ежиков никак не думал, что Следственный комитет может заинтересоваться их безобидным департаментом, занимающим в бюджетной смете одно из последних мест. Поэтому давно расслабился и даже следы замести не потрудился.

Спустя пять минут Золотов, обложенный папками с бумагами, словно больной горчичниками, с интересом выслушивал оправдания чиновника. Цель имел в некотором роде даже практичную: вдруг эколог что-нибудь новенькое скажет, чем впоследствии и самому воспользоваться можно? Но у Ежикова с фантазией было так себе, ничего принципиально нового он предложить не мог. Воруем-с... Просто воруем-с.

– Ну какой тендер, Антон Романович? Мне буквально накануне поручили провести экспертизу! И каким, интересно, образом я должен был найти подрядчика? Естественно, я обратился к первому попавшемуся!

– Это вы мне рассказываете? – забывшись, рассмеялся Золотов.

Если бы не абсолютно симметричная история, случившаяся с ним самим в Москве, может быть, и не сидел бы он сейчас здесь. В левой форме.

– Я в том смысле, что... Почему вы выбрали подрядчика, услуги которого вдвое дороже рыночных? У вас Интернета нет?

– В тот день, действительно, не было. Перебои.

Везет им здесь, в Великозельске. Можно хотя бы перебойями с Интернетом отбояться. В Москве такое не прокатит, скоро в каждом общественном сортире вай-фай настигнет.

– Сии перебои в законе называются злоупотреблением служебным положением, – безапелляционно заметил Вячеслав Андреевич и повысил голос: – Кстати, почему у вас, экологической организации, перед дверьми урны нет? А?

Ежиков вздрогнул и поглядел на майора так, будто заподозрил у того бешенство. Как бы не покусал!

– Ч-чего у меня нет?

– Урны нет. И на улицах тоже. Насколько я помню, устанавливать в городе урны – обязанность властей!

Золотов придал лицу выражение медведя гризли, наткнувшегося на грибника, поднялся со стула и приступил непосредственно к тому, зачем пришел.

Времени это заняло немного. Ежиков оказался мужиком понятливым: принес приличествующие ситуации извинения, поспешил загладить оплошность сотрудников из собственного кармана, выудив оттуда бумажку в пять сотен евро. Его сообразительность сэкономила Золотову время – уже минут через двадцать он выложил на гостиничную стойку перед Ермаковым выполненную в фиолетовых тонах купюру со звездами Евросоюза.

– Примерно то же самое, что вы отдали вчера, даже больше, – порадовал он. – И беспокоить больше не будут.

Ермаков смотрел на фиолетовый «хай-тек» с опаской: сам он предпочитал расчеты в валюте страны проживания, но вовремя вспомнил поговорку про дареного коня.

– А с урной? Покупать?

– Не надо. Они же и поставят. Экологи. Самую красивую выберут. С гербом.

– Спасибо огромное, – малый бизнесмен в поклоне чуть лоб о высокую столешницу не расшиб. – Как вам удалось?

– Запомните, Олег Михайлович, коррупцию может победить только еще большая коррупция!

Ермаков от таких страшных слов застыл соляным столпом и вытаращил глаза.

– Шутка. Чтобы не брали, не надо давать, – Золотов почувствовал, что слишком уж примерил на себя образ Остапа Сулеймана Берта Марии. – У меня к вам только просьба. О моей помощи никому не рассказывать. Вообще никому.

– Конечно! Никаких проблем! – закивал Ермаков китайским болванчиком и внезапно юркнул под стойку. – Минуточку!

Выудил яркий журнальчик, на обложке которого постоялец узнал недоделанную отфотошопленную фельдшерницу Мальвину в отороченном кроличьем мехом кружевном красном бельишке. Назывался журнальчик «Отдых с душой» и меньше всего предполагал вкладывание в вышеуказанный отдых тонкой душевной материи. Исключительно товар<197>деньги<197>товар, как завещал товарищ Энгельс.

– Вот, – потупив глаза, как честный коммунист в борделе, Ермаков протянул Золотову полиграфический шедевр, – вдруг захотите отдохнуть. Для вас бесплатно. В любое время. Берите, берите! От чистого сердца.

И, несмотря на отказ, всучил-таки Золотову журнальчик. А что? А вдруг?

Золотов подобную макулатуру брать не собирался, но зазвонил телефон. На дисплее высветилось «Макс». Постоялец машинально сунул журнал под мышку и вышел разговаривать на улицу.

Ермаков, проводив гостя взглядом, тоже взялся за телефонную трубку. Позвонить жене, обрадовать. Он, конечно, обещал никому про вмешательство московского следователя не рассказывать, но жена-то, Надюша, не в счет, правда? У нее, конечно, язык за зубами плохо держится, но он ей накажет, чтобы никому ни слова про столичного волшебника. Строго-настрога накажет.

– Славка, ты свободен! – довольным голосом орал Золотову подельник. – Словно птица в небесах! Все! Сынка Слепня выпустили! Можешь возвращаться. Позабудь, что значит – страх!!!

– А проверка?

– Да они просто бабки хотели стясти, вот и напрягали. Я по своим каналам узнал, ты чист аки младенец в свежем памперсе! Не дрейфь, приезжай, кабак заказан. Миру мир! Нас ждут великие дела! У меня тут тако-о-й вариант наклеивается, просто сказка! Когда тебя ждать?

Овалову, казалось, все нипочем. Непотопляемый линкор «Марат». Еще бы, это же не он в трусах с балкона прыгал и с чужими документами скрывался.

– Не знаю. Как билет возьму...

– Давай! Не тяни! Пока!

Золотов нажал отбой, задумчиво повертел в руках телефон. Что ни говори, а смываться действительно пора. Поиграли в Бэтменов и хватит. Тем более что аккуратно вчера ему Федоров в Интернете – редкий случай, когда Сеть появилась! – показал заметку. «Сын вице-мэра подозревается в разбоях». Золотову такая реклама совершенно ни к чему. А что, если настоящий Плетнев это прочтет? Бедняга: придет в себя и тут же решит, что у него раздвоение личности, и эта вторая личность где-то за тысячи километров шашкой машет. Нет, все-таки убираться отсюда надо подобру-поздорову. Прямо сейчас. Завтра будет поздно.

А Настя? Он же обещал... Как все непросто в этом мире.

Поймал такси, попросил отвезти в отдел. Может, по дороге придет в голову какой-нибудь правильный вариант.

Не пришел.

Коридор на подступах к тринадцатому кабинету оказался заполнен людьми. В основном старушки, но картинку дополняли и не дряхлые еще пенсионеры обоих полов. Страждущие смиренно сидели рядком, кто-то поджав в ожидании ноги, кто-то уткнувшись в собственноручно исписанные листки.

– Здравствуйте, Антон Романович, – один из мужчин вежливо, но твердо преградил майору дорогу, – а мы к вам. На прием. Можно?

Майор Фейк печальным взглядом больного шимпанзе посмотрел на посетителей. А этим что нужно? Ходоки у Ленина, блин! Только как им объяснить, что Золотов – не вождь мирового пролетариата, а совсем даже наоборот? По решительному настрою ходоков было понятно: объяснить им, что не по адресу обратились, в принципе невозможно, слушать не станут и из кабинета не выпустят. Липовый Антон Романович, изучивший за эти дни расписание всех поездов, останавливающихся в Великозельске, прикинул, что у него еще есть время, и уверенно кивнул:

– Приму всех.

Это, пожалуй быстрее выйдет, чем объяснять. Да и подозрений меньше.

...Когда в кабинет прошаркала последняя старушка, Золотов уже не ориентировался в пространстве и времени. Предыдущие посетители почти полностью вынесли мозг. Причем дела у всех были пустяковые, максимум тысяч на десять российских денег. За газификацию дома неправильно насчитали. Сосед сортир под окнами построил и вентиляционную трубу наружу вывел. На рынке все торговые места Кавказ завоевал, с редиской не сунешься – апельсинами закидают. И так далее, и тому подобное. Разумеется, он ничего не предпринимал, но помочь обещал. Все равно удерет, а людям приятно.

Бабка оказалась потешная. Для похода к московскому начальнику она, должно быть, достала из сундуков лучший свой наряд – выдавшее еще хрущевскую оттепель синее платье в белый горошек и тех же времен лакированные туфли, которые зачем-то были надеты на шерстяные носки. На лацкан пиджака повесила все полученные за долгую жизнь медали и значки, включая знак ГТО. Вопрос у нее оказался квартирный.

– Ну как же так? В прошлом месяце двести, а в этом четыреста! – Возмущенная старушка разложила перед офонаревшим Золотовым какие-то розовенькие бумажки-квитанции.

– От меня-то вы чего хотите?

– Как чего? Разберитесь! Откуда эти двести рублей?

Скрюченным морщинистым пальцем бабка ткнула в квитанцию. Медали на груди тихо, скорбно звякнули, и Вячеслав Андреевич горестно вздохнул. По его мнению, с таких старушек вообще ничего нельзя было брать – даже сотни.

– Понимаете, я не занимаюсь коммунальным хозяйством, – осторожно попытался отвертеться он, – только криминалом.

– А это, по-вашему, не криминал? – Не собиралась сдаваться только с виду бабушка=одуванчик. Ей, пережившей эвакуацию, послевоенную разруху, оттепель и развитой социализм с перестройкой, вечная борьба казалась нормой жизни. – В чистом виде – воровство!

– Хорошо, хорошо, – поспешил согласиться Золотов, – есть местные органы, прокуратура. Обратитесь туда, – он ласково улыбнулся одуванчику в надежде, что тот встанет и отлетит восвояси.

– Да была я везде! И слушать не хотят! – возмущенно жаловалась пенсионерка. – Футболят только! И куда мне идти, как не к вам?!

– Думаете, раз я из Москвы, то все могу?

– Пузина арестовали и с этими воругами разберитесь! – Старушка сгребла со стола бумаги и начала размахивать ими перед золотовским носом. Гвозди бы делать из этих людей...

– Увы, это не в моей компетенции. Извините, – меланхолично отказался Вячеслав Андреевич тоном московского специалиста по правовым вопросам. Он у себя в райадминистрации тоже отфутболивать наловчился.

– Хорошо. Как ваша фамилия? – обиделся одуванчик на бездушного следователя, такого же бюрократа, только столичного разлива. Все они одним миром мазаны. Тоже, наверно, воруага, как свои, местные.

– Плетнев. Антон Романович, – спокойно, уже по привычке повторил майор Фейк.

– Так вот, имейте в виду, Антон Романович, – старушка достала из кармана раритетный химический карандаш, послунявила и старательно записала на бумажке фамилию, – я до президента дойду. Кто ваш начальник?

– Ладно, ладно, – Золотов решил пожалеть пенсионерку, – не надо никаких жалоб. Вот двести рублей.

Он достал кошелек и выудил оттуда две бумажки.

– Вы идите, а с коммунальщиками я решу.

Старушка руку дающего не оттолкнула – ищите дурака отказываться от денег при полнейшем социальном расслоении! – забрала пару сотенных, спрятала и выудила из кармана новые квитанции.

– У меня еще к «Газпрому» претензии, – воодушевился одуванчик (вот что рубль животворящий делает!).

Крупнейшая государственная корпорация даже не подозревала в эту минуту, что над ней вознесся суровый меч правосудия.

Слава не успел защитить обреченный «Газпром», ибо в кабинет ворвался мелкий романтик. Безапелляционно выставил пенсионерку за порог и радостно-возбужденно сообщил:

– Человек звонил! Голова в адресе чемоданы пакует!

– Чего? Чья голова? – Оторопел Золотов, утомленный ходаками и ходовками.

Лось бил копытом, как застоявшаяся в стойле лошадь:

– Головин! Пузина компаньон. А в отделе никого, на физкультуре все!

– Где?

– Начальник наш главный, Физкультурник, приказ отдал – раз в неделю физподготовка, зачеты лично принимает. Вот, все там. Погнали, а?!

Отъезд в столицу, похоже, опять откладывался.

* * *

Плетнев покоился на довольно узкой, слегка продавленной тахте социалистического производства, заботливо укрытый клетчатым пледом, и принимался к аппетитным запахам, доносящимся из кухни. Упоительно несло тушеной говядиной, суповой зажаркой и чесночком. А в сочетании с пледом и тахтой – совершенно сказочное ощущение.

– Юра, – чирикнула с кухни жена, – я твой любимый борщ сварила. Иди, пока горячий.

– Не хочу, потом. Спасибо, Лерочка, – сонно откликнулся Плетнев. Он совсем недавно перекусил блинчиками с грибами – объедение! Не какие-то там сосиски или яичница! – и больше вместить в себя не мог. Хотелось просто дремать под пледом. И чтобы ароматные запахи по-прежнему щекотали ноздри.

– Я тогда попозже разогрею, ты скажи, когда проголодаешься.

Тоже что-то новое, прежде неведомое. Глубоко в подкорке крепко засело правило: если с кухни зовут, нужно все бросать и мчаться к столу, а то потом останешься голодным. А оказалось, что можно и не мчаться.

Доктор, убедившись, что ее сытый подопечный посапывает в подушку, как залегший на зимовку еж, достала мобильник.

– Саша, это я, – тоном опытного интригана прошептала она, – ты можешь на «Киевскую» подъехать? Да, сейчас. Пожалуйста. Там сквер есть. Давай через двадцать минут. Хорошо, хорошо...

Убрала телефон, выключила «мартен», выплавлявший борщи с блинами, и заглянула в комнату к пациенту. Словно ограбившая мусорное ведро кошка, с невинным видом подседа рядышком – на плетневский лоб опустилась прохладная длань. От руки приятно пахло, но не французским парфюмом, а чем-то вкусным, какой-то особенной домашней выпечкой. Плетнев глубоко вздохнул и открыл глаза.

– Не замерз? Хочешь, еще одним одеялом накрою? – щебетала жена, поглаживая его по небритой щеке.

Плетнев вместо ответа блаженно зажмурился. Да она – само совершенство! Не женщина – мечта. Неужели мне так повезло? Или здесь кроется какой-то неведомый пока подвох?

– Мне надо выскочить, буквально на полчаса, – осторожно сообщила мечта. – С Машей встретиться. Не хочу ее сюда приглашать, пока ты болеешь. Ты ж знаешь, какая она шептунья. Будет шуметь, а тебе нужен покой. Ты дверь никому не открывай, у меня ключ есть, договорились?

– Что за Маша? – Плетнев снова открыл глаза и уставился на жену. Никакой Маши он вспомнить не мог, ни шептунной, ни тихой.

– Ну, помнишь, из салона, – Лера отвела взгляд, – она еще мне на свадьбу прическу делала. Помнишь мою прическу?

Плетнев утвердительно мотнул головой. Шестое чувство подсказало – нельзя признаваться жене даже под пыткой, что не помнишь ее свадебную прическу. Особенно когда от нее всецело зависишь.

– Я постараюсь быстренько, – успокоила Лера, одеваясь. Ее тронул эпизод с прической – ясно, что помнить он не мог, тем паче замуж она до сих пор ни разу не сходила. – Не скучай без меня!

Плетнев насторожился. Вроде бы ничего особенного. Встреча с подругой. Но ему показалось, что жена оправдывается. И вид виноватый. Словно на все семейные сбережения шубу норковую купила и молчит.

Перед внутреннем взором, как на экране, всплыло испуганное лицо больничного соседа. Неужели все это инсценировка? И забота, и борщи – ради того, чтобы его на органы распилить и продать по частям? Ну уж нет – просто так он не сдастся. И для начала проведет разведку. Неосознанный пока инстинкт следователя заставил Плетнева вскочить с тахты, как только за женой закрылась дверь.

В тесной «хрущевской» прихожей он быстро обулся, тихонько открыл дверь, вставил под язычок замка бумажку, чтобы не захлопнулась, и начал спускаться по лестнице, прислушиваясь к удаляющимся шагам.

Он проследовал за Лерой до ближайшего скверика и спрятался за припаркованным внедорожником. С водительского сиденья на Плетнева уставилась субтильная пигалица лет восемнадцати. Антон Романович улыбнулся ей самой лучезарной из возможных улыбок. Не вор он и не насильник. И не «СтопХам». Радостный оскал явно достиг цели – барышня испуганно пискнула и поспешно нажала на кнопку стеклоподъемника, а заодно и на все другие кнопки, прочно забаррикадировавшись изнутри. Через пару секунд Плетнев и думать о ней забыл, увлеченный совсем другим зрелищем – встречей Леры с Машей. Поскольку куафер Маша оказался холеным мужиком в костюме и с портфелем, таким породистым красавчиком. Холеный подошел к Лере, по-супружески пресно клюнул в щеку, по-хозяйски взял под руку и повел вглубь сквера. Как у Корнея Чуковского: нашу муху в уголок поволок. К несчастью, подходящих уголков в сквере не оказалось – весь как на ладони, поэтому Плетнев не решился следовать за парочкой. А вдруг Лера никакая не торговка органами, а обыкновенная изменщица? А домой забрала из жалости. Или по каким-то меркантильным соображениям. А истинные чувства – вот они, в сквере.

Антон проводил парочку взглядом официанта, не получившего чаевых. Повис вопрос: холерный – просто любовник жены или поделщик, претендующий на долю с продажи его почки. Но ответ не повис. Оставалось убраться восвояси.

На лестнице поджидала еще одна малоприятная неожиданность в виде соседа-десантника. Ветеран дымил на лестнице, стряхивая пепел в вонючую банку из-под растворимого кофе, стоявшую под приклеенным объявлением «Курить запрещено совсем!».

– Сосед, когда долг отдашь?

– Какой долг? – Про долг Плетнев помнил так же, как и про ветерана, когда увидел его в прошлый раз. То есть никак.

– Пятерку месяц назад занимал. На сантехнику. Сказал, на пару дней всего. Ты извини, но я на одну пенсию живу. А на дворе инфляция.

– Отдам.

Создательница революционного метода в психиатрии в этот самый момент переживала не самые лучшие мгновения своей личной жизни. Как и ее законный сожитель.

– Лера, в более бредовую ситуацию в жизни не попадал! Жена снимает квартиру, чтобы привести туда другого мужика, да еще просит на это денег у мужа!

Лера, как психолог, не сомневалась, что Александр работает на публику. Ну то есть как бы на публику. И даже обижаться не могла – не профессионально это. К его демонстративным выпадам она уже давно привыкла, точнее свыклась с ними, словно карточный игрок с правилами. Иначе игра не состоится.

– Саша, успокойся, – «просительница денег» погладила его по рукаву брендового пиджака, – во-первых, это не мужик, а пациент, во-вторых, я прошу в долг, а в-третьих, мы пока не муж и жена.

Оба отлично понимали: последнее обстоятельство – главное. Замужество для женщины – как платформа для добытчиков нефти. Базис. Статус. А Козырев поступиться свободой не готов пока. И давить на подругу мог только вполсилы.

– Какая разница? Живем же вместе! И как, интересно, мне реагировать?! Серенады петь под окнами, пока вы там развлекаетесь?!

– Саша! – прервала тираду Лера – нет времени оправдываться, дома пациент ждет. – Это не развлечения, а работа. Пойми. Ничего у меня с ним не будет! Я с больными не сплю.

Прозвучало двусмысленно, и Козырева понесло. Если он на ней не женился, это не дает ей права вести себя словно она свободная женщина.

– У тебя-то, может, и не будет! А у него? Почему ты над женщинами эксперименты не ставишь? Или над пенсионерами? Их, слава Богу, у нас в стране хватает!

– Саш, ну что ты такое говоришь? Так получилось – пациентов не выбирают, они не туфельки... Ну такой уж подвернулся. В следующий раз будет пенсионер или женщина. Мне ж наработки нужны! С разным контингентом, разного пола и возраста, – Лера постепенно закипала.

Она занимается серьезным, ответственным делом, пытается создать прогрессивный научный метод, а он, вместо того чтобы поддержать, несет всякую ерунду! И мечтает, чтобы она дома сидела, борщи варила и полы драила. Может, кому-то и за счастье – такая убогая жизнь, но не для нее.

– Говорю прямо и откровенно: твой метод – это маразм! – не унимался Козырев. – А за маразм я платить не собираюсь!

– Ты... ты серьезно считаешь мою работу маразмом? – Голос у Леры задрожал и сорвался.

– В данном конкретном случае – да! – отрезал законный сожитель.

Слезы навернулись на девичьи очи, обида ежовой рукавицей сжала сердечко. Только влажные Лерины глаза смягчили бездушное сердце педанта.

– Хорошо, хорошо, послушай... Только без эмоций, с позиции здравого смысла. В любом деле нужен четкий план. Три раза у тебя получилось, да. Замечательно. Теперь не получается. Значит, надо просто извиниться, всё объяснить, в конце концов, дать ему денег. Чтобы без обид. И вернуть его в больницу...

– Действительно, как просто! – Ивлева горько усмехнулась и всхлипнула.

Извиниться, расплатиться, и сослать назад в больницу – не ее методика. Даже с женщиной-пенсионеркой не могла бы так поступить, а тем более с новым симпатичным пациентом. И внешне на актера Дюжева похож, и в быту по сравнению с Козыревым – предел мечтаний. Борщ радует, как ребенок, которого месяц на голодном пайке держали. И заботливый. И не мелочный. Пылинки с каждого предмета не сдувает.

– А если он ничего не вспомнит? Что дальше? Так и будешь с ним жить-поживать? Сколько? Пока сама не поверишь в эту счастливую семейную жизнь с овощем?

– Он вспомнит! – решительно заявила Лера. Она в свой метод верила. – И он не овощ! Не смей его так называть!

– Ой, как мы запели! Вспомнит он! Только пусть вспоминает не за мой счет. Пускай твой институт эксперименты финансирует, это будет справедливо. Хочешь, поговорю с твоим руководством?

Козырев очень удивился и даже обиделся: он дело предлагал, реальную помощь, а она вместо спасибо повернулась, не сказав ни слова, и по-хамски ушла. Козырев немного постоял, повертел в руках портфель. Сначала хотел было проигнорировать ее демонстрацию, но вовремя вспомнил о штампе в паспорте. Вернее, о его отсутствии. А что, если этот беспомысленный у него женщину уведет? Лерочка хозяйственная и без лишних запросов, жилы не тянет, материальных благ не требует. Умница. И внешне вполне. В Москве таких девушек пора в Красную книгу заносить, как редкий исчезающий вид.

– погоди! Только без обид! Поставь себя на мое место! – Он шагнул за ней, но заметил, что развязался шнурок. Пока завязывал, исчезающий вид растворился в городских джунглях.

Она же возвращалась домой, озабоченная вечной проблемой – у кого бы перехватить денег? Ничего путного в голову не приходило. Ее подружки-аспирантки сами копейки считали. Плюс кризис, никто в долг не дает. В общем, вернулась ни с чем.

– У нее что-то случилось? – спокойно поинтересовался больной, пошевелившись под пледом.

– У кого? – не сразу вошла в роль Лера, расстроенная разговором с Козыревым.

– У Маши.

– А-а, нет, Юра, все в порядке, – спохватилась она и присела на край тахты. Очень хотелось все рассказать, пожаловаться на своего бездушного сожителя, но это было решительно невозможно. Лера только смотрела на него влажными глазами и ласково улыбалась. – Ты так и не поспал?

Что же, что же происходит? Жена или не жена? Почка или печень? Коварство или любовь?

– А почему у нас две кровати?

– Это же съемная квартира, – снова растерялась Лера, – здесь так и было.

Не убедительно. Совсем не убедительно. Сдвинуть же можно, в конце концов.

Он отодвинулся к самой стенке и односложно предложил:

– Ложись.

Лера на призыв откликнулась легко. Удивляясь самой себе. Поймала себя на том, что хочет прижаться к этому мужчине. Что за дурацкая сентиментальность! Не из-за свадебной же прически! Что произошло? Что в ней сдвинулось? К Козыреву не тянет. Вообще. А к этому – тянет. Еще как. Есть в нем что-то, чего нет в Козыреве, – какая-то сила и вместе с тем –

спокойствие, то, что женщине нужно, – сильное плечо, не заикленность на мелочах, умение увидеть главное.

С другой стороны, принцип. «С больными не спать!»

– Так что там у Маши? – Плетнев осторожно обнял ее.

«Как тепло», – подумала она. Как приятно. Именно с этим мужчиной. Странно – приятно и спокойно. А ведь он – пациент, который сам нуждается в защите. А она чувствует, что он способен ее защитить. И ей кажется, что благодаря этой защите она способна на многое, на такое, что и сама в себе не подозревает.

На узкой тахте они прижались друг к другу, словно сардины в банке. Зато он всем телом мог ощущать ее тепло, души прекрасные изгибы. Она, в свою очередь, тоже позволила себе прильнуть к мужскому плечу, оправдывая себя диссертацией. Девичья голова уютно улеглась на широкой груди. Для дела ведь...

– У Маши все в порядке, – проворковала Лера. – Ты ведь знаешь, какая она неугомонная. Не волнуйся.

– А я что-то волнуюсь...

* * *

Убитый физически, но не морально УАЗ, фырча, дребезжа и подскакивая на ухабах, нес на своих лысых колесах Федорова с Золотовым к бандиту Головину. Федоров на неудобства внимания не обращал – лишь бы движок не заглох. Золотов ради спасения итальянских ботинок – чтобы грязью снизу не окатило – выделял ногами па, напоминающие упражнения для пенсионеров.

– Антон, ты извини, – Федоров переключил передачу, и под днищем что-то лязгнуло, грозя отвалиться и упасть под колеса, – это я Насте про тебя рассказал.

– Да уж понял, – усмехнулся Вячеслав Андреевич, снова подтянув ноги к груди. Прямо не УАЗ, а тренажер. Фитнес не выходя из кабины.

– Если честно, я чуть не спятил, не могу без нее! Все равно своего добьюсь! Хоть десять лет понадобится, хоть двадцать...

УАЗ подпрыгнул, и макушка упряма впечаталась в потолок. На этом бы и прервать признание. Но нет. Удар красноречию не помешал.

Майор Фейк деликатно молчал. Опять эти песни про любовь. В ток-шоу под названием жизнь.

– Мой батя знаешь сколько за матерью бегал? – не унимался герой шоу. – Четыре года. Представляешь? И она тоже, как Настя – ни туда ни сюда. Но батя своего добился. И у меня получится. Обязательно!

Удар кулака по рулю был подтверждением сказанного. УАЗ ответил «уханьем», означющим на автомобильном языке нецензурную брань.

Наконец прибыли.

Федоров затормозил неподалеку от миниатюрного замка из красного кирпича, щедро украшенного башенками. В Подмоскovie такие в девяностых братва любила строить и цыганские бароны. А здесь провинция, мода отстает лет на двадцать.

– Вон его логово. Головы. Значит, так: он тебя в лицо не знает, поэтому скидывай китель, бери мой пиджак и звони в дверь. Откроет – дальше по схеме.

– А что у вас за схема? – насторожился Золотов. Если, как в кино, ствол вперед и от двери к двери мелкими перебежками, то он лучше сразу на вокзал. Согласен даже без вещей.

– Да как и у вас, – подсказал великозельский опер, – вежливо приглашаем в машину, положив палец на спусковой крючок. Только никакого насилия. Конституция!

– И кем вы обычно представляетесь?

– Блин, развозчиком пиццы. Придумай что-нибудь свое. Пошли.

Федоров потянулся через коллегу и съемной ручкой открыл пассажирскую дверь. Свою тоже открыл ручкой. Снял пиджак и отдал Золотову.

– Движок заглуши, – поморщился тот, послушно надевая потертый пиджак с лоснящимся воротником. Да уж, не от кутюр.

– Не надо. Потом не заведем.

Федоров по-ковбойски перемахнул через забор и, прокравшись вдоль окон, затаился недалеко от входной двери. Подал знак стоящему на дороге Золотову.

Золотов открыл калитку и, по-шпионски оглядываясь, добрался до двери. Прямо астронавт Армстронг, навестивший Луну первым из двуногих. Все-таки раньше не доводилось преступников ловить. И естественно – реакция организма. Пот, давление, аритмия, газы...

Вспотевший от напряжения «развозчик пиццы» немного помялся на пороге, словно ошупывая ногой лунный грунт, и осторожно постучал в дверь. Никакого эффекта, как в космосе. Постучал сильнее – опять тишина. Собирался уже к соратнику вернуться за советом, но в этот момент произошло чудо чудное. Стоявший под парами УАЗ вздрогнул и покатил в даль светлую. Сам.

Нет. Не сам.

– Черт! – Федоров в два гориллиных прыжка очутился на проезжей части и энергично принялся махать руками, подражая приматам. Как будто намеревался нагнать песчаную бурю и отправить ту в погоню за УАЗом. – Сволочь! Как он выскочил?! Откуда?

– Через балкон, – догадался подбежавший Золотов, вспомнив свой столичный кульбит из квартиры Жанны, – потом по трубе.

Пи-и-и-иб!!!

Компаньоны вздрогнули и синхронно обернулись на автомобильный сигнал. Прямо на них надвигался тягач – хоть и без прицепа, но страшный, как динозавр. Но не сдрейфили храбрые служители закона, не ушли с дороги! Водитель динозавра тромознул в метре, выскочил из кабины с монтировкой – объяснить двум камикадзе правила дорожного движения. Камикадзе Федоров очнулся первым.

– Полиция! Мужик, тачка нужна! – Дима вскарабкался за руль, не дожидаясь разрешения. Да и не нужно ему разрешение. Он сам себе и разрешение, и закон! Закон суров! Dura lex. Есть все-таки и в его ремесле приятные моменты.

Перед глазами оторопевшего водителя мелькнуло второе удостоверение.

– Следственный комитет! Москва! – Золотов вскочил на переднее сидение, – вернем с полным баком!

Дима включил передачу, нажал на газ, и тягач резво сорвался с места, оставив своего хозяина с открытым ртом и непригодившейся монтировкой. Мужикам на базе рассказать – не поверят. Словно в боевик попал.

– Тысяча двести литров!!! – озвучил дальнобойщик емкость бензинового бака, провозжая взглядом удаляющийся тягач.

– Прибавь! – крикнул Вячеслав Андреевич.

– Нельзя, тачка чужая, не расплатимся потом. Ничего, на моем луноходе далеко не уедет. Там, если газовать, карбюратор заливает. Да и бензина у него в обрез, а у нас полбака.

Увлекательная погоня на крейсерской скорости километров сорок в час продолжалась. Висящий на зеркале скелетик ритмично тряс костями. Жаль регистратора не имелось. А то можно было бы записать погоню, выложить в Сеть и собрать пару лайков.

– Сейчас стрелять начнет! – обрадовал напарника Федоров.

– А у него ствол? – напрягся Золотов. Ему совершенно не улыбалось подставляться под великозельские пули.

– Да не Голова! Пепелац. Ласточка моя ненаглядная!

В следующую секунду «уазик» действительно оглушительно «стрельнул» из выхлопной трубы и свернул за поворот. Дима притормозил, сбив стоящую на краю тротуара новехонькую урну.

– Откуда тут урны? Отродясь не было!

– Теперь будут.

Головин включил мигалку. Тягач приближался – неотвратимо, как старость. Отступить некуда – если даже не докажут прошлые подвиги, то угон полицейской машины – налицо. Вдавил педаль газа до упора. Машина в очередной раз громко чихнула и дернулась, но ускориться не спешила. Голова возмущенно матюгнулся: налогоплательщики исправно в бюджетный общак лавэ отстегивают, а эти гады-менты не удосужатся автопарк в порядке содержать. На зоне за такое...

– Это он зря, – палец мелкого романтика указал на маячок, – там проводка еле живая, коротнуть может в любой момент. Загорится ведь, дурашка.

УАЗ подпрыгнул и замер посередине дороги, словно загнанный конь. Помочь ему не смог бы никакой автовалидол, даже если бы такой существовал. Пристрелить бы, чтоб не мучился. Да не поднимется рука. Из-под капота повалил густой дым. Фиолетовые клубы заполнили салон, в котором в панике метался Голова. Он лихорадочно жмурился, по-рыбьи разевал рот, тер руками глаза, шлепал ладонями по тому месту, где у нормального авто дверная ручка. Но последняя отсутствовала, издевательски торчал лишь короткий шпенек. Задыхаясь и кашляя, угонщик согнулся в судорожных поисках ручки возле пассажирского сиденья. Тоже безрезультатно.

– Его только я могу открыть, – с гордостью заметил Федоров, аккуратно паркуя тягач.

Они, не торопясь, вывалились из большегруза, подошли туда, где Головин на себе демонстрировал жестокий опыт, в котором мышшь сажают под колпак и выкачивают воздух.

– Ну что, Шумахер?! Жарко? Может, еще поддать?

Пойманный бессвязно орал, барабанил кулаками по стеклу. Выпученные глаза, слюнявый рот – асфиксия никого не красит. Насладившись мезтью, романтик, наконец, открыл дверь.

Оружие не понадобилось. Головин, хватая воздух ртом, сам выпал из салона прямо под ноги группе захвата. Федорову осталось лишь нагнуться, чтобы заломить задержанному руку за спину. Пистолет он передал напарнику. Золотов опасно принял ствол, боясь крепко сжать в ладони, чтобы нечаянно не выстрелить.

– Уроды! – зло выкрикнул от земли Голова в паузах между приступами кашля.

– Ну, извини, не «мерседес». Кстати, поздравляю – ты еще на угон заработал. Мелочь в твоём положении, но приятно, – Дима полез в карман за наручниками, на секунду отпустив беглеца.

А зря! Ни секунды покоя! Да что ж это такое?!

Голова извернулся и хлестко заехал Федорову ногой в полицейский пах. Романтик, скорчившись от боли, упал на колени, как приговоренный к смерти, просящий помилования. Полицейские, они ведь тоже люди. И пах у них тоже человеческий.

Теперь на пути к свободе стоял лишь Золотов. Из-за него Головин устроил гонки, спрыгнув с балкона. Узнал черта, которого в ресторане приложил. Черт-то оказался следаком московским! Не иначе отомстить заявился – мочкануть при задержании. С них, московских, станется! Не дождетесь! Прыжок, удар головой в грудь! Пистолет летит в кусты.

К чести Вячеслава Андреевича, он не сдался сразу, не забил ладонью по асфальту, прося пощады, а оказал, по возможности, достойное сопротивление. И началась борьба нанайских мальчиков. Но мальчик великозельский все же оказался проворнее. Сел сверху и принялся душить мальчика московского перстами, украшенными синим орнаментом. Последний, лишенный притока жизненно необходимого кислорода, жалобно захрипел.

Неужто финиш? Бесславный финал в захолустье и под чужим именем. И никто не узнает, не оценит... Хлопотное это оказалось дело – преступников ловить, сноровка нужна. Но Голова неожиданно ослабил хватку, и Золотову удалось вдохнуть. Более того, противник вдруг нежно поглядел на Золотова остекленевшим взглядом и рухнул рядом.

– Хорошо легла, – тяжело дыша, объявил возвышающийся над ними мелкий романтик, сжимающий новенькую урну, украшенную гербом Великозельска. Два козла на фоне березки.

* * *

Плетнев лежал под одеялом и пытался вспомнить таблицу умножения. Местами получалось. Сон не шел. Вместо него пришла жена. Она была отчаянно красива – в банном халате и со стаканом в руке. Длинные волосы струились по плечам, большие глаза скрывали тайну, которую очень хотелось разгадать.

– Выпей, пожалуйста, – Лера пристроилась с краешку, рядом с изголовьем, – это лекарство. Хорошее. Тебе нужно.

Плетнев почему-то подумал о женщинах-отравительницах, пачками отправлявших на тот свет мужей, но покорно выпил сладковатую жидкость и поставил стакан на тумбочку, прислушиваясь к реакциям организма. Если это цианид, например, то он уже бился бы в судорогах от боли и удушья. Но все вроде бы пока спокойно. Хотя есть яды, которые действуют медленно. Мышьяк, например. Там, правда, от дозы зависит. Опять же, если, все-таки, на органы его метят, то там определенные препараты нужны, чтобы товар не повредить.

– А... коньяка нет? Или виски? – вдруг вырвалось у страдальца. Сам не понял – откуда. Может, из прошлой жизни?

– Юра, ты же не пьешь, – напомнила Лера, сдвинув брови.

– Совсем? – Известие неприятно удивило. Он что, в прошлом – запойный? Или наоборот – идейный противник пьянства. Еще неизвестно, что лучше.

– Ну да. Даже пива. У тебя принципы.

– Однако...

В памяти всплыла чья-то цитата: «Алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь». И как же ему без анестезии?

– Лера, а как мы познакомились? – решил он сменить тему.

– Романтично. Ты отбил меня у хулиганов. Как в кино.

– Да ну?!

Лера не пожалела ярких красок. Жирными мазками живописала их первую встречу. Осень. Смеркалось. Моросил дождь, дул холодный норд-ост. Она возвращалась с коллоквиума, он – с гастролей. В том смысле, что его театр приехал в Борщовку с комедией «Убийство на улице Морг». А тут хулиганы. Хотели девушку на «бумере» прокатить. А она не хотела. «Ты че такая дерзая?» Да не тут-то... Юра. Один против троих. С кулаками против бит. Мегабит. Но справился, сдюжил. Потом проводы домой, предложение постирать залитый кровью пиджак, чай, бутерброды и далее по схеме...

– Неужели совсем ничего не помнишь?

– Совершенно.

– Потом ты предложил поехать в Москву...

– Сильно! – одобрил Плетнев собственные действия. И, засыпая, добавил: – И правда как в кино.

– Каждая женщина мечтает, чтобы мужчина ради нее совершил подвиг, – с легкой грустью заметила Лера.

А ведь он, наверно, мог бы... Это не Козырев, который вряд ли хоть раз в жизни дрался.

Плетнев снова открыл глаза, нежно взял Леру за руку, поцеловал в ладонь. Ему очень хотелось, чтобы рассказанное оказалось правдой. Может, так оно и было, может, один против троих, но... Слишком все гладко. И не пора ли поговорить серьезно? Он потянул ее к себе, коснулся губами уха.

Лера трактовала это совершенно по-иному. Началось. Еще немного – и случится непоправимое. А она слово дала Козыреву. И самой себе. Что без измен. Хотя изменить очень хотелось. Она незаметно опустила руку в карман халата и нажала кнопку мобильного – почти сразу раздался звонок городского телефона.

Она сняла переносную трубку и выскользнула на кухню.

– Алло... Да, Маша. Что еще случилось?.. Да ты что? Машка, не переживай так...

Снотворное наконец-то подействовало – проводив жену осоловевшим взглядом, больной упал в объятия Морфея.

Лера вернулась в комнату, только убедившись, что подопечный не симулирует. Так и не опознанный никем мужчина посапывал, лежа на спине. Она хотела было лечь на другую кровать, но неожиданно для самой себя пристроилась рядышком с пациентом и уложила его руку на свое плечо. Рука соскользнула, но она вернула ее на место, накрыла своей ладонью и больше не отпускала.

* * *

Майор Фейк сидел в камере для допросов на жестком, прикрученном к полу табурете. А пол находился в изоляторе временного содержания города Великозельска. Он поймал себя на грешной мысли, что почти сроднился с формой. Поначалу она казалась ему неудобной, плохо сшитой, похожей на мешок для картошки, а теперь он ощущал себя в ней вполне уютно. Да и сколько раз она его выручала! Надо будет в чистку отдать. Химическую. Мысли о форме посетили Золотова в ожидании Головина, раненного урной в башку и отправленного в острог следом за Пузиным. А спустя три часа тот попросил о встрече.

Да... Так вот ты какой – изолятор временного содержания. Приятно познакомиться. Очень хорошо, что сижу я на табурете следователя, а не задержанного.

Металлическая дверь лязгнула, впуская конвоира и Головина. Окровавленный бинт, наползавший на хмурое его чело, напоминал о недавней встрече головы с урной. Раненый боец опустился на свободный табурет и уставился на следователя.

– Слушаю. Что хотел? – безо всяких эмоций спросил Золотов.

– Я насчет сделки, – помолчав, нерешительно пробормотал пузинский поделщик.

– Адвокат посоветовал? – усмехнулся Золотов, не переживая о том, что неуместная ирония может отбить охоту каяться. Каются не потому, что совет замучила, а потому, что жить хочется. По возможности безопасно и комфортно.

– Не... Сам. Влад накосячил, а мне отдуваться? Короче, давай так... Я толкую кое-что, без записи. А ты мне подписку. Какая разница, где я буду сидеть, дома или в камере?

– Арестовать тебя по-любому придется, хотя бы для начала, – подрезал крылышки собеседнику Золотов.

У парня руки по локоть, если не в крови, то уж в дерьме. Еще ничего путного не сказал, а уже торгуется.

– Иначе подозрения возникнут. Сам подумай. Но меру пресечения впоследствии можно изменить.

– Точно?!

– Только от тебя зависит, – уклонился от прямого ответа Золотов, памятуя, что в его положении никому ничего нельзя обещать.

– Ладно, – Голова, подумав секунд десять, пошел ва-банк. – В общем, тему с лекарствами Владу дядя подкинул. Вице-мэр. И весь навар он получает, а не Влад.

– Так это и без тебя известно. Тоже мне – компромат! Меня конкретика интересует. Например, кто архив сжег? И кто заказал?

Головин закручинился. Не по-пацански как-то – своих сдавать. Но извините, пацаны. Ничего личного. Каждый за счастье бьется в одиночку, кто бы что бы не говорил. Поймите и простите.

– Думаю, дядя и заказал, – стыдливо потупив глаза, начал печальную повесть Сережа, – а если не он сам, то все равно оттуда, из мэрии. Точно знаю, что сжег Витя Домофон. Отмороженный, недавно откинулся.

– Ты не гонишь? Вице-мэр лично поручил поджечь какому-то зэку? – скривился Золотов.

Вспомнилась обязательная фраза советских фильмов про милицию: «Если вы поможете следствию, это смягчит наказание...» А если не поможете, нам придется вас отпустить... Помогай, Голова, помогай, а то отпущу.

– Ну не лично. С Витей обычно все темы мэрский зам перетирает. Ланцов фамилия. Они давно знакомы, еще до Витиной посадки, – засуетился Голова, правильно истолковав усмешку следователя и ленинский взгляд с прищуром, – и заказ это не первый.

– А еще конкретней?

– Была одна история... Только обещай – на меня никаких намеков. Тема серьезная. Очень серьезная.

О, да ты обосрался, Головушка, жидко обосрался... Решил, наверно, что сейчас без суда и следствия прямо в изоляторе расстреляют. Конечно, расстреляю, патроны из Москвы уже везут.

– Не парься – не сдам. Рассказывай.

Головин наклонился через стол, поближе к Золотову.

– Года два назад бабу они грохнули, – зашептал он, – из тендерной комиссии. Витя сам трепался по пьяни.

Та-а-к... Тема серьезная. Даже непонятно, что лучше: знать или не знать. Да уж: многие знания – многие печали. Что потом с этим знанием делать? Куда нести? В Следственный комитет? Федорову? Так Диме и «Ой!» сказать не дадут. А в комитете самого нахлобучат.

– Дядя пузинский тогда еще в мэрии не служил, бизнесом увлекался. Подряд на ремонт дорог урвать хотел, а в комиссии тетка слишком принципиальной оказалась. Денег брать не хотела. Она и раньше была как заноза. Ей намекнули – угомонись, не суйся. Бесполезно. Тогда возле станции ее вечером Витя встретил, ну и... битой по голове. Куда труп дел, не знаю.

– Он один был?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.